

Визуальный контент: Романтический кадр в ночном городе. На переднем плане мужчина и женщина в темной одежде. На заднем плане — освещенный купол здания и река.

Цена удачи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОРЕ МАРИ

18+

Море Мари

Цена удачи

<https://litres.ru/73905256>

SelfPub; 2026

Аннотация

Быть трофеем — не значит быть бессильной. Я отказалась от клетки с бархатными подушками, которую для меня построили родители. Сбежала в Италию с подругой и проиграла свою свободу в покер. Теперь он смотрит на меня так, будто уже подписал контракт. Шепотом в Риме называют его крестным отцом. Говорят, от него не уходят. Но я уже совершила самый смелый побег в своей жизни. Вопрос только: смогу ли я сбежать от того, кто заставляет мое сердце биться быстрее, чем страх?

Содержание

Глава 1. Виктория	4
Глава 2. Виктория	22
Глава 3. Виктория	41
Глава 4. Данте	64
Глава 5. Виктория	84
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Море Мари

Цена удачи

Глава 1. Виктория

Солнце в мою комнату ворвалось без стука — привычка, которую оно, видимо, разделяло с моей матерью. Светило било в глаза с какой-то наглой, неуместной радостью, будто только и ждало повода позлорадствовать. Оно просочилось сквозь неплотно задёрнутые шторы (спасибо лени прошлого вечера), распласталось золотым блином по моему лицу и настойчиво потребовало проснуться, чтобы встретить этот «прекрасный» день.

Я зажмурилась ещё сильнее, что было равносильно попытке спрятаться от реальности под одеялом толщиной в ватное одеяло. Не сработало. Я попыталась удержать одеяло на себе, делая вид, что я — кокон, в котором ещё не готова появиться на свет бабочка. Но бабочке не повезло. В комнату уже ворвались звуки загородного дома — этого музея чужого успеха, где каждый экспонат стоило мыть с мылом. Приглушённый лязг посуды внизу, который в любое другое утро казался бы уютным, сегодня звучал как прелюдия к публичной казни. Затем — цоканье каблучков матери по мраморно-

му полу коридора. Этот звук я могла распознать даже в глубокой коме. Лёгкое, уверенное «цок-цок-цок», будто сама судьба отбивала ритм моего будущего замужества. Её голос, поднимающийся этажом выше, отдавал команды прислуге с такой интонацией, будто речь шла о высадке десанта на Нормандию. «Салфетки — строго под углом. Хрусталь — протереть трижды. И уберите эту ужасную герберу, она выглядит как дешёвка».

Я села на кровати, чувствуя, как простыня холодит разгорячённую кожу. Простыня, кстати, была итальянская. Тысяча нитей на квадратный дюйм. Мать любила повторять, что в таком белье спят только ангелы и очень богатые люди. Я, будучи представителем второй категории по рождению и первой — по факту полного отсутствия грехов (ну, почти), чувствовала себя самозванкой. Восемнадцать. Ровно столько же, сколько моей «выдержки», которую я так старательно выдерживала, чтобы меня не посчитали испорченным товаром. Интересно, срок годности на меня уже вышел? Или я ещё котируюсь на бирже невест?

Дверь, словно подтверждая мои мрачные мысли об отсутствии личных границ, открылась без стука.

— Виктория, ты уже не спишь? — мать вошла в комнату плавно, но неотвратимо, как танк. Впрочем, нет, танк — слишком громоздкий и неуклюжий. Мать была скорее хищной акулой в идеально выглаженной блузе цвета слоновой кости. Она несла перед собой серебряный поднос с завароч-

ным чайником и тостом, но это была лишь театральная бутафория. Главным оружием был её взгляд, который уже скользил по мне, по моей растрёпанной голове (весьма живописной, надо сказать, похожей на гнездо воробья после урагана), по голому плечу, высунувшемуся из-под одеяла. Она смотрела так, будто оценивала скаковую лошадь перед выводкой. Или, простите за цинизм, корову на ярмарке. Экстерьер, знаете ли, важен.

— Доброе утро, — мой голос прозвучал хрипло, ибо после такого пробуждения хотелось не здороваться, а выть.

— Доброе утро, милая. С днём рождения, — она поставила поднос на туалетный столик, поправила салфетку, которая и так была идеальна. Затем подошла к окну и, не спрашивая, разумеется, разрешения, раздвинула шторы, впуская в комнату ещё больше беспощадного света. Я зажмурилась, чувствуя себя вампиром, которого вытащили на солнцепёк. — Ну, дай на тебя посмотреть.

Я послушно повернула голову, чувствуя, как немеет шея от этого пристального взгляда. Мать выглядела так, будто готовилась к приёму посла, а не к завтраку с дочерью в день её совершеннолетия. Волосы уложены в безупречную раковину, ни один седой волосок не нарушал гегемонии платинового блонда. Макияж «нюд», который стоил как крыло от «Боинга». В общем, моя мама была красивой женщиной. Очень красивой. Именно поэтому я до сих пор удивлялась, как она умудряется быть такой чудовищно страшной внутри..

— Милая, — голос её стал тягучим, вкрадчивым, как па-тока, в которую добавили мышьяка. Я сразу напряглась, инстинктивно вжав голову в плечи. — Ты можешь так не горбиться? Вечно у тебя эти плечи вперёд, как у носильщика на вокзале. Спина должна быть прямой, грудь вперёд, таз назад. Втяни живот. И... — она сделала театральную паузу, окидывая моё лицо взглядом рентгеновского аппарата, — не крась так губы. Ты же не хочешь выглядеть, как девушка лёгкого поведения?

Я даже не красила губы. Я только что проснулась, Карл! Это была моя натуральная бледность, на фоне которой рот, лишённый тонального крема, казался чуть ярче от прилива крови, пока мозг отчаянно пытался запустить систему «проснись и пой». Это была моя физиология, а не вульгарность. Но спорить с матерью было так же эффективно, как объяснять кошке теорему Пифагора. Бесполезно и чревато царапинами.

— Я ещё не красилась, мама, — сказала я максимально ровным тоном, чувствуя, как в груди закипает чайник раздражения. Я откинула одеяло (итальянское, тысяча нитей, всё дела) и почувствовала на себе её недовольный взгляд, который скользнул по моей ночной сорочке. Простой, хлопковой, без кружев, без пуш-апа и без намёка на разврат. Кажется, это тоже было поводом для семейного расстройтва. Видимо, к восемнадцати годам я должна была спать в чём-то из коллекции «Бордель Версаля».

— Тем лучше, — мать смотрела, как я натягиваю халат. — После завтрака приведи себя в порядок. Без вульгарности. Сегодня вечером у нас будут гости.

Я замерла, не донеся руку до пояса халата. Сердце, которое я считала закалённым, пропустило удар, а потом забило где-то в горле, пытаясь совершить харакири. Гости. Конечно. Не подружки с шампанским, не торт со свечами, из которых восемнадцатая будет похожа на дуло пистолета. Гости. В доме моих родителей это слово всегда означало только одно: ревизия.

— Какие гости? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без истеричной дрожи. Я взяла чашку с подноса, чтобы занять руки. Руки предательски дрожали, так что чай плескался о фарфор, как штормовое море о скалы. — Далеко не все?

Мать подошла к зеркалу, поправила и без того безупречную складку на блузе. Она не смотрела на меня. Она смотрела на своё отражение, которое, очевидно, доставляло ей куда больше удовольствия.

— Отец пригласил кое-кого на ужин. Очень достойных людей, — она произнесла слово «достойных» так, будто зачитывала вслух титул из британской палаты лордов. — Сергей Петрович... он занимается энергетическими проектами, очень влиятельный человек. Будет его сын, Владимир.

Она произнесла это имя с особым придыханием, будто речь шла о явлении Мессии. «Володя». Тридцать два года,

свой бизнес, прекрасная родословная. Я мысленно перевела с мамино на человеческий: «Володя» — сорокалетний (женщины врут о возрасте мужчин в меньшую сторону так же легко, как мужчины о росте), лысеющий, с первым браком в анамнезе и большими амбициями. Свой бизнес — маленькая конторка, которая прогорит через год, но папины деньги её спасут. Прекрасная родословная — прадед был председателем колхоза, и это почему-то считается аристократизмом.

— И главное, — мать наконец обернулась, и её глаза горели фанатичным огнём свахи-профессионала, — он ищет спутницу жизни. Серьезную, спутницу жизни. Не какую-нибудь... — она изящно, как дирижёр, махнула рукой в воздухе, обозначая всё, что она презирала. А презирала она, судя по жесту, всех женщин, которые не были замужем за миллионерами.

Я поставила чашку на поднос с таким стуком, что мать вздрогнула. Фарфор жалобно звякнул, и мне показалось, что даже он выразил сочувствие. Я посмотрела на неё.

— Мне восемнадцать, — сказала я, выделяя каждое слово, как будто это могло до неё достучаться. — Мне сегодня исполнилось восемнадцать. А вы уже пригласили... жениха? Как на смотрины? Может быть, ещё приданое за мной дадите? Пара коров и пасека?

— Виктория, не драматизируй, — голос матери стал ледяным, как наша мраморная лестница. Мрамор, кстати, был родом из Италии, но это не делало его теплее. — Это про-

сто знакомство. Прилично воспитанная девушка не должна шарахаться от перспективы создать семью. Сколько можно ждать?

Вот оно. Главный аргумент. «Сколько можно ждать?». Я ждала восемнадцать лет. И всё это время меня, как бутылку дорогого вина, выдерживали в погребе, чтобы продать подороже, когда наступит «совершеннолетие».

— Я не просила меня ждать, — сказала я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Нет. Я их не покажу. Я не буду плакать. Я буду злиться. — Я просила меня спросить. Хотя бы для приличия. «Вика, а ты не хочешь выйти замуж за Владимира с энергетическими проектами?» — «Нет, мама, я хочу учиться». — «Ах, ну тогда чай с тостом принесу».

Мать сделала глубокий вдох, готовясь к лекции. Эту лекцию я слышала раз сто, и каждый раз меня тошнило чуть сильнее.

— А что ты хочешь? — она сложила руки на груди, позируя для статуи «Мать-следователь». — У тебя есть образование? Нет, потому что ты бросила музыкальную школу, как только поняла, что играть гаммы каждый день — это работа, а не развлечение. У тебя есть профессия? Ты даже не поступила в университет, хотя мы наняли тебе трёх репетиторов, которые, я надеюсь, не вернут нам деньги за бесцельно потраченные нервы! Чем ты планируешь заниматься? Сниматься в клипах? Сидеть в этом доме до тридцати лет, пока мы с отцом кормим тебя и оплачиваем твои капризы?

Каждый её упрёк был как укол шприцем. Тонким, болезненным, в самую вену. Но в каждом упрёке была доля правды, которая делала его особенно ядовитым. Я бросила музыкалку, потому что меня тошнило от этюдов Черни. Я не поступила в универ, потому что они заставили меня подать документы на «Международные отношения», а не на «Искусствоведение». Я провалилась на собеседовании, потому что меня спросили, что я думаю о внешней политике Китая, а я хотела говорить о Ван Гоге.

— Я не просила меня кормить, — мои щёки горели огнём, во рту пересохло. — Я хотела поступать на искусствоведение. В Питер. Вы сами сказали, что это «несерьёзно». Что искусствоведы нужны только в качестве богатых содержанок, чтобы разбираться в дорогом барахле.

— А что серьёзно? — мать повысила голос, и мне показалось, что люстра мелко задрожала. — Танцы на шесте? Потому что сейчас у тебя нет ничего, кроме внешности, которой ты, кстати, не умеешь пользоваться! Ты сутулишься, ты вечно смотришь исподлобья, как волчонок, которого пинают ногой, ты не улыбаешься потенциальным женихам, ты не кокетничаешь! Кому ты нужна такая? Только такому, как Володя, который ищет скромную, воспитанную девочку, а не раскрашенную куклу из ночного клуба!

Я встала с кровати, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Меня трясло, но не от страха, а от той холодной, бешеной злости, которая делает людей либо героями, либо самоубий-

цами. Я всегда это знала, всегда догадывалась, что для них я — инвестиционный проект. Но слышать это в день своего рождения, в восемь часов грёбаного утра, было даже для моей семьи слишком.

— Значит, я — товар, — тихо сказала я. Голос мой был спокоен, как поверхность нефтяного озера, которое вот-вот подожгут. — Который вы немного задержали на складе, и теперь боитесь, что он испортится, если не сбудете его первому встречному покупателю. Даже не посмотрев на него? Даже не спросив, хочет ли он меня? А если Володе не понравится моя сутулость? Вы сделаете скидку? Или подарите меня в нагрузку к загородному дому?

Мать посмотрела на меня так, будто я сморозила чудовищную глупость. В её глазах не было злости, не было даже обиды. Только усталое, безграничное недоумение, как у дрессировщицы, у которой собачка, выучившая все команды, вдруг села и сказала: «А пошла бы ты, знаешь куда, со своим обручем?».

— Вика, — сказала она ледяным тоном, который заморозил бы ад. — Прекрати истерику. Ты живёшь в этом доме. Ты ешь нашу еду. Ты носишь одежду, которую я тебе покупаю, и за которую, между прочим, люди в Азии работают по двенадцать часов в день. И твоя единственная обязанность сейчас — быть благодарной и послушной. Не позорь нас. Вечером спустишься в платье, которое будет висеть в твоём шкафу к шести часам. Волосы убери. Макияж — минимально, но

чтобы подчеркнуть достоинства. И, ради бога, улыбайся. Не строй из себя героиню мыльной оперы, у нас и так слишком много проблем из-за твоего характера.

Она развернулась и вышла, щёлкнув каблуками по паркету. Дверь за ней закрылась негромко, почти ласково, но мне показалось, что этот звук — эхо захлопывающейся крышки гроба. Или клетки. Или витрины ювелирного магазина.

Я стояла посреди комнаты, слушая, как затихают шаги. Сначала мамины цокающие. Потом её голос внизу, отдающий новые распоряжения. Потом — тишина.

Я опустилась на пол, прямо на холодный паркет из бразильского ореха (да, мама бы знала название), и уставилась на тонкую золотую нить света, которая тянулась от окна к моей кровати.

«Театр начинается с вешалки, — пронеслась в голове шальная, нервная мысль. — Мой же театр начинается с этих первых лучей солнца. С этого света, который каждое утро будит меня в декорациях чужой, абсолютно не моей жизни».

Я подняла голову и посмотрела на дверь. Белая, филенчатая, с блестящей латунной ручкой, которая стоила больше, чем гардероб среднестатистического студента. Она не была заперта. Пока. Но ключ, я знала, лежал в мамином кармане халата на случай, если я «заболею» и не смогу выйти к гостям.

«Высокопородная сучка на смотре», — повторила я про себя слова, которые крутились в голове с той самой минуты,

как мать назвала имя — Владимир. Тридцать два. Энергетические проекты. Ищет спутницу жизни.

Я представила его. Лицо было размытым — в моём воображении все мужчины старше двадцати пяти выглядели как усреднённый портрет из базы данных «Кто здесь главный?». Но я отчётливо видела дорогой, нелепо сидящий костюм, сигаретный дымок, выющийся над столиком, чувствовала запах — смесь вчерашнего виски, дешёвого одеколона (мама бы сказала «дерзкого», я сказала бы «удушающего») и самодовольства. Я видела его коротко стриженные ногти, палец с перстнем, который будет тыкать в мою сторону, когда он будет рассказывать, как он «поднял бизнес с нуля» (папа дал денег). Я слышала его снисходительный смех над моими попытками заговорить о книгах или живописи. О, это будет особенно весело.

«А что ты читаешь, Виктория?», — спросит он, наклоняясь ко мне с запахом лука и покровительством. «Набокова», — отвечу я. «А, это который про Лолиту? Хорошая книга, да, нашёл себе девочку помоложе». И мать за столом засмеётся, поддерживая шутку, потому что главное — чтобы Владимир чувствовал себя остроумным.

Меня вырвало. Мысленно. Фарыч. Я сидела на полу, в пижаме, с растрёпанными волосами, и меня вырвало от отвращения к себе будущей. К той Вике, которая в шестом часу вечера будет стоять перед зеркалом в платье, похожем на саван, с заколотыми волосами и натянутой улыбкой.

А потом я сделала глубокий вдох.

И вдруг стало тихо. Совсем тихо. Даже часы на камине, кажется, перестали тикать.

— Нет, — сказала я в пустоту. Сначала шёпотом, потом громче. — Нет. Ни вечера в компании с Владимиром, ни «спутницы жизни», ни взглядов матери, оценивающих, как я держу вилку. Ничего этого не будет. Потому что я не буду здесь, когда этот цирк приедет в город.

Я поднялась с пола так резко, что закололо в боку. «Спина прямая, грудь вперёд», — усмехнулась я. — «Иди нахуй, мама».

Я подошла к шкафу и рывком открыла его, как сейф с боеприпасами. Мой взгляд упал на джинсы, которые мать ненавидела. Она называла их «бесформенными мешками для картошки» и, кажется, всерьёз считала, что они могут нанести урон репутации семьи, если их увидят соседи. Старый, вылинявший свитер, который она называла «нищенским», на который я однажды пролила красное вино на дне рождения у подруги (самый счастливый день в том году). Рюкзак, пылившийся на верхней полке, — зелёный, потёртый, с оторванным ремешком, который я зашила сама. Мать хотела его выкинуть. Для меня он был символом свободы.

Денег у меня было немного. Четыре тысячи восемьсот рублей. Подарки от бабушки, которые я копила годами, пряча от семьи в коробке из-под обуви. Бабушка была единственным человеком, который дарил мне книги и деньги со

словами: «На чёрный день, Викуша. Женщине всегда нужны деньги на такси, чтобы уехать от дурака».

Видимо, чёрный день настал.

Я села за стол, отодвинув нетронутый поднос с тостом (тост уже зачерствел, как и их планы на мою жизнь). Телефон экраном горел уведомлениями, как новогодняя ёлка.

Отец скинул деньги на карту. Десять тысяч. С пометкой «На платье». Спасибо, папа. Ты хотя бы не пришёл лично читать нотации. Ты предпочитаешь откупаться, это так мило.

Подруга Ленка написала: «С днюхой, выпьем? Я украла у родителей коньяк». Ленка, прости, сегодня я пью в одиночестве и, возможно, в другом часовом поясе.

Мать прислала ссылку на какой-то салон красоты с пометкой «записана на 15:00, не опаздывай, мастер стоит бешеных денег». Я мысленно послала мастера куда подальше вместе со ссылкой.

Я закрыла все сообщения, открыла карту и увеличила масштаб. Ближайший крупный город с вокзалом был в двух часах езды на машине. Там был поезд. Поезд шёл в Питер. Питер был моей мечтой, моим Эльдorado, моим «там меня поймут».

Такси стоило три тысячи. У меня было четыре с хвостиком. На билет до Питера уйдёт всё остальное. И я останусь в Питере с восемьюстами рублями, рюкзаком и надеждой.

— Гениальный план, — сказала я себе, надевая джинсы.
— Хоть кинематографичный. Девушка в кедах против си-

стемы. Жди Оскара.

Я натянула свитер (пахло пылью и свободой), сунула ноги в кеды, которые мать называла «убитыми». Убитыми? Да они просто повидали жизнь, в отличие от всей моей семьи. Волося я собрала в небрежный хвост. В зеркале на меня смотрела девушка, которой мать запретила быть. Сутулая, с бледным лицом, с яркими от природы губами (нет, это не помала, это, мама, называется «кровообращение»), с взглядом исподлобья.

— Девушка лёгкого поведения, — прошептала я, глядя на своё отражение, и усмехнулась собственному отражению. — Ну что ж, сегодня я начну вести себя легко. Лёгко на подъём.

Я сунула в рюкзак паспорт, зарядку, сменную футболку (розовую, с динозавриком, мать её не видела, иначе сожгла бы), все наличные, шоколадку, припрятанную от греха, и флешку с фотографиями. Всё.

Я замерла у двери, прижавшись ухом к щели. За ней слышались голоса. Мать что-то вещала прислуге про сервировку стола — «рюмки для водки отдельно, для вина отдельно, бога ради, не перепутайте, у Володи отец не пьёт водку, он пьёт только односолодовый виски». Отец, кажется, включил телевизор в гостиной — гудели новости, рассказывая, как всё плохо в экономике.

«Скоро будет ещё хуже, папа, — подумала я. — Потому что товар, который ты хотел выгодно продать, сегодня ускользает со склада».

Я медленно, стараясь не скрипеть половицами (паркет, блин, бразильский, а скрипит как советская табуретка), вышла в коридор. Прошла мимо лестницы, ведущей вниз, туда, где пахло кофе и свежей выпечкой — готовящимся праздником моей казни. И направилась к чёрной лестнице. Той самой, узкой, что вела к заднему двору, мимо кухни, где сутелся персонал, к старой двери, которую забыли смазать.

На площадке второго этажа, у поворота, я столкнулась с горничной Таней. Буквально нос к носу. Та выронила стопку свежевывглаженных полотенец, которые полетели на пол, как белые голуби мира, и округлила глаза размером с блюдца из того самого сервиза.

— Виктория Андреевна? — выдохнула она, глядя на мои кеды, на рюкзак, на мой решительный вид. — Вы... вы куда это в таком виде? Вы больны? Вас ограбили?

Я прижала палец к губам, чувствуя себя героиней шпионского романа. «Прощай, оружие, прощай, Родина».

— Таня, — сказала я шёпотом. — Меня здесь не было. Ты меня не видела. Ты была на кухне, ты чистила картошку, ты ничего не слышала и не видела. Хорошо?

Она замялась, переводя взгляд с моего лица на рюкзак, с рюкзака на лестницу, внизу которой раздавался мамин голос: «Серебро! Где моя полировка для серебра? Вы что, хотите, чтобы гости подумали, что мы живём в хлеву?»

— Виктория Андреевна... — Таня закусил губу. — А как же гости? А как же ваш... ваш праздник? А как же выходить

замуж?

— Таня, — я посмотрела ей прямо в глаза. В моём взгляде, наверное, было столько отчаяния и стали одновременно, что она попятилась. — Если меня спросят, скажи, что я пошла гулять в сад. Я люблю розы. Я вдыхаю аромат совершеннолетия. Я медитирую на газоне.

Таня медленно кивнула, но в её глазах читался страх. Страх за меня или перед моей матерью — неважно. Она подняла полотенца и прижала их к груди, как щит.

— Удачи вам, Виктория Андреевна, — прошептала она.

— Спасибо, Таня, — я сжала её руку. — Дай бог, чтобы вам никогда не пришлось отсюда убежать.

Я сбежала по чёрной лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, толкнула дверь на задний двор. Утренний, свежий, невероятно вкусный воздух обжёг лицо, как пощёчина свободы. Солнце уже поднялось выше, золотило верхушки деревьев, которых я, кажется, никогда раньше не замечала. Я шла по гравийной дорожке, которая хрустела под кедами, как крупный сахар. Мимо роз, которые мать высаживала специально к моему совершеннолетию. Красные, пафосные, идеальные. Как моя жизнь, которой никогда не было.

Я дошла до калитки. Ручка была холодной. Металл пах дождём и ржавчиной. Я нажала на щеколду.

— С днём рождения, Вика, — сказала я себе, чувствуя, как улыбка расплзается по лицу. Улыбка была кривой, сумасшедшей, но настоящей. Первой настоящей за сегодняш-

ний день. — Ты сама себе подарила то, что они тебе никогда не дали бы. Выбор.

Калитка за спиной щёлкнула, отрезая меня от дома, от этого утра с серебряным подносом на столике, от платья, которое уже висело в шкафу (я видела его вчера — чёрное, кружевное, похожее на траурное), от Владимира с его энергетическими проектами и, вероятно, небольшим животом.

Я вышла на дорожку, ведущую к шоссе, и зашагала по пыльной обочине, на которой увядала трава. В голове стучала только одна мысль, такая же настойчивая, как мамины каблуки:

«Я никогда не смирюсь. Никогда. Я не стану экспонатом в чужом музее. Я не буду итальянской простынёй на чужой кровати».

Театр, который должен был начаться вечером с моего выхода в гостиную под взглядами кукловодов, рухнул, не успев открыться. Мой собственный театр начинался здесь, на этой разбитой дороге, под лучами солнца, которые больше не будили меня против моей воли. Теперь они светили мне в спину, как прожекторы, провожая в неизвестность.

Я подняла руку, останавливая первый попавшийся грузовик. Водитель, дядька с усами и добрым лицом, затормозил, высунулся из окна.

— Куда, красавица? — спросил он, оглядывая мои кеды и рюкзак.

— На вокзал, — сказала я. — Подальше отсюда.

Он кивнул, как будто понимал что-то такое, что не требовало объяснений.

Я запрыгнула в кабину, пахнущую соляжкой и свободой, и впервые за это утро улыбнулась по-настоящему.

— Погнали, — сказала я, глядя в зеркало заднего вида, где исчезал фамильный особняк.

Мама, папа, Владимир с проектами и чёрное платье в шкафу остались в прошлом. А впереди был только Питер, восемьсот рублей и бесконечное, пугающе прекрасное «я сама».

Кажется, это и называется счастливым днём рождения.

Глава 2. Виктория

Я была в Питере уже через семь часов.

Не сказать чтобы я безумно устала. Скорее, во мне поселилась та странная, звенящая пустота, которая бывает, когда перестаёшь бояться. Когда самое страшное уже случилось — ты сорвалась, сбежала, послала всех в красивом порыве, — и теперь остаётся только плыть по течению, надеясь, что оно не прибьёт тебя к тем же берегам.

Кофе в первой попавшейся кофейне оказался на удивление сносным. Возможно, потому что я настолько вымотана, что даже растворимый «три в одном» показался бы нектаром богов. Возможно, потому что от запаха свежей выпечки у меня слегка кружится голова — всё-таки я ничего не ела со вчерашнего дня, а бегство из дома, надо сказать, отличный способ разжечь зверский аппетит. Кто там говорит про «нервный голод»? Это я сейчас. Я, сидящая с кружкой латте и смотрящая на круассан так, будто он — мой единственный шанс на спасение.

Я сижу у окна, наблюдая за тем, как беззаботные люди спешат по своим беззаботным делам. Никто из них не оглядывается через плечо. Никто не проверяет, не следят ли за ними. Никто не боится, что знакомый звук двигателя знакомой машины станет последним, что они слышат в этой жизни.

Приятно, чёрт возьми, быть обычным человеком.

Я делаю глоток латте, обжигаю язык и одновременно с этим смотрю на экран телефона. Одно сообщение. Оно ушло Лизе три минуты назад. «Нам нужно серьёзно поговорить. Я в Питере. Ты же предлагала вчера выпить? И вот я тут!». Коротко. По делу. Без этих вот «прости, что беспокою» и «извини за внезапность». Потому что если есть на свете человек, перед которым я не должна извиняться за своё существование, то это Лиза. Мой личный, персональный ураган, с которым я когда-то сидела за одной партой и делила на двоих одну булочку, прячась от учительницы за футляром от виолончели.

Экран загорается.

Лиза: Ты далеко? Я могу подъехать.

Я выдыхаю. Так, будто до этого секунд двадцать не дышала вообще. Пальцы чуть подрагивают, когда я скидываю геолокацию.

Тридцать минут. Ровно столько мне предстоит прожевать собственную никчёмность и запить её остывающим кофе.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в потолок. На нём нет трещин. Нет намёка на то, что мир рушится. Вообще ирония: моя жизнь превращается в фарс, а потолок кофейни остаётся идеально белым. Как будто кому-то есть до этого дело.

Знаете, что забавно? Мне восемнадцать лет. Я совершеннолетняя. По документам — дееспособная гражданка, ко-

торая вправе распоряжаться своей жизнью самостоятельно. Только вот моя жизнь никогда не принадлежала мне. Она принадлежала папиным «деловым партнёрам» с мутными взглядами и привычкой здороваться за руку так, будто пытаются выжать из тебя всё до последней капли.

Я до сих пор не знаю, чем именно занимается мой отец. Но, знаете, когда в твоём доме круглосуточная охрана, камеры в каждой розетке (ладно, преувеличиваю, но ненамного), а слово «такси» вызывает у родителей аллергическую реакцию в виде нервного тика, начинаешь кое-что понимать. Особенно когда тебе семь лет и ты неглупая девочка, которая умеет складывать два и два.

Центральная Россия. Папины «друзья». Частные самолёты. Запрет на общение с «левыми» людьми.

Я не знаю точного названия. Бизнес. Корпорация. Синдикат. Организация с уставом и членскими взносами, только взносы там, судя по всему, платят кровью.

Но я давно не наивная дурочка, которая верит в сказки про «сложный бизнес». Я слишком много видела и слишком много слышала из-за закрытых дверей, когда взрослые думали, что я сплю. Нет, папочка, я не спала. Я запоминала.

Ладно.

Лиза приезжает ровно через двадцать девять минут. Я засекла. Потому что больше нечем заняться, кроме как пялиться в окно и представлять, как возвращаюсь домой. Как делаю вид, что ничего не случилось. Как снова улыбаюсь па-

пиным «гостям» и делаю вид, что не замечаю, как один из них всегда смотрит на меня чуть дольше, чем положено. Господи, этот взгляд... Он всегда был на пару градусов теплее, чем следовало, и на пару сантиметров ниже, чем допустимо.

Смириться. Принять неизбежное. Стать ещё одним аксессуаром в этой криминальной опере. Ах, да, трофейной женой. Ведь этого хотят от меня родители. Просто ещё одна дорогая вещь в коллекции очередного «уважаемого человека».

Дверь кофейни открывается, и я слышу её раньше, чем вижу. Лиза — единственный человек, который умудряется хлопнуть дверью так, будто это личное оскорбление всему заведению, всем присутствующим и лично Богу.

Она подходит к моему столику, и я уже открываю рот, чтобы сказать что-то жалкое и оправдательное — «прости, что тягиваю тебя в это», «я знаю, что веду себя как идиотка», «может, мне просто вернуться и сделать вид, что ничего не было», — но Лиза меня опережает.

— Ну что у тебя опять случилось, любовь моя? — Она даже не смотрит на меня. Нет, серьёзно. Она просто плюхается на диванчик напротив — я бы сказала «изящно опускается», но Лиза не умеет изящно. Она умеет — с грохотом и с таким видом, будто этот диван ей лично должен за все грехи мира. И тут же хватает меню. Листает его с выражением лица, которое я видела тысячу раз: «Я выше этого, но всё равно почитаю, потому что вдруг там есть что-то, чего я ещё не пробовала, хотя нет, не пробовала».

Она заказывать ничего нового не будет. Латте и цезарь. Всегда. При любых обстоятельствах. Даже если кофейня специализируется на японской кухне. Даже если меню написано на суахили. Я знаю её слишком хорошо, чтобы строить иллюзии на её счёт.

— Мне негде жить, — говорю я.

Слова выходят какими-то скомканными, будто я их выплюнула, а не произнесла. Я смотрю под стол. Там салфетка в моих пальцах превращается в мелкие клочья, словно я пытаюсь уничтожить доказательства собственного существования. Потому что, видимо, моя внутренняя драма требует материального воплощения, и салфетка вызвалась добровольцем.

— Помоги мне.

Тишина.

Лиза прочищает горло. И когда я наконец поднимаю глаза, её лицо уже не то беззаботное, карикатурное выражение, которое она носила секунду назад, словно маску. Она смотрит на меня так, будто видит впервые. Или будто пытается понять, не шучу ли я.

Спойлер: я не шучу.

— Что случилось? — спрашивает она. И в её голосе нет привычной игривости. Ни капли. Даже намёка.

Я сглатываю. Горло деревянное, язык примёрз к нёбу.

— Я пока не готова рассказать тебе об этом, — говорю я, и каждое слово даётся с таким трудом, будто я вытаскиваю

их из себя пинцетом. — Мне просто нужна помощь. Я очень надеюсь на тебя.

Слова — как куски стекла. Я их чувствую на языке. Ужасно говорить «я не готова рассказывать», когда человек ради тебя приехал за полгорода, бросил свои дела, свой коньяк (украденный у родителей, но всё же) и свою драгоценную субботу. Но что мне делать? Вывалить всё прямо здесь, среди кофейного аромата и приглушённого джаза, чтобы какой-нибудь случайный свидетель стал следующей целью?

Нет.

Глаза начинают щипать. О, нет. Только не это. Я запрокидываю голову и начинаю моргать. Часто-часто. Как ненормальная. Наверное, со стороны это выглядит так, будто я намерена телепатически скинуть потолок или, как минимум, вызвать дождь в помещении.

Прогони. Прогони эти чёртовы слёзы. Ты не имеешь права. Ты сбежала, ты выбрала свободу, и сейчас твоё лицо не должно выглядеть как у мышки, которую поймал кот, но почему-то решил отпустить, а потом передумал, но мышь уже не рада. Тебе нужна холодная голова.

Ко мне возвращается самообладание ровно в тот момент, когда к нашему столику подходит официант. Славный парень, максимум двадцать, с глуповатой, но искренней улыбкой и блокнотом в руках. Он открывает рот, чтобы произнести привычное «Что будете заказывать?», но Лиза его перебивает в своей неподражаемой манере, которая граничит с

грубостью, но благодаря её лицу и тону превращается в нечто очаровательно-наглое.

— Латте и цезарь, — бросает она, даже не глядя в его сторону. Даже не моргнув. Будто он — часть интерьера.

Парень слегка теряется, переводит взгляд на меня, потом снова на неё, делает пометку и уходит. Наверное, привык. В таких местах странные клиенты — норма.

Лиза смотрит на меня в упор. В её глазах — расчёт и что-то ещё, что я не могу прочитать. Она никогда не была глупой. Глупые девушки из богатых семей не выживают в нашем мире. Она просто умеет притворяться легкомысленной. Это броня, такая же, как у меня — молчаливость и сутулость.

— Слушай, — говорит она медленно, как будто пробуёт идею на вкус, и берёт мою руку. Её пальцы тёплые. Пахнут её привычными духами — цитрус и что-то сладкое, как мармелад. — А может, улетим в Италию? Бросим всё и просто сбежим.

Она наклоняет голову набок. Смотрит на меня с этим своим выражением — полу-вызов, полу-мольба.

Я замираю.

Италия.

Бросить всё.

Сбежать.

В моей голове сейчас происходит настоящий пожар. Потому что часть меня — та, что устала играть роль идеальной

дочери в идеальном доме с идеальным количеством видеокамер — орёт: «ДА, ТВОЮ МАТЬ, ДА. ДАВАЙ. ПОГНАЛИ. Я ГОТОВА ХОТЬ ЗАВТРА».

А другая часть — та, что прекрасно знает, что делает с людьми, которые пытаются сбежать от папиных «друзей», — шепчет: «Ты сошла с ума. Ты что, жить надоело? Италия — это не соседний город, это другая страна. Другая юрисдикция. Другая... территория».

Но Лиза. Рядом. Смотрит на меня так, будто уже видит нас на каком-нибудь побережье. Без охраны. Без камер. Без мыслей о том, что в любой момент тебя могут просто взять и... не спросить твоего мнения.

Я делаю вдох.

Возможно, я сейчас совершаю ошибку.

Возможно, самую большую в своей жизни.

Возможно, папины солдаты найдут нас на четвёртый день. Или на пятый. Или в тот же вечер, когда мы будем сидеть в каком-нибудь римском дворике и пить вино, думая, что мы умнее всех.

Слишком много «ВОЗМОЖНО»

Но знаете что?

К чёрту.

— Я согласна, — говорю я, и голос мой звучит твёрже, чем я сама ожидала.

Сказано.

Теперь осталось только понять, что именно мы только что

подписали.

Лиза улыбается. Не той своей обычной — дежурной, как у продавщицы в дорогом бутике, которая видит вас насквозь, но всё равно желает «хорошего дня». А настоящей. Широкой. Почти хищной. У неё даже глаза меняются — становятся ярче, будто кто-то включил свет.

— Тогда, — говорит она, сжимая мою ладонь крепче, так что я чувствую тепло её кожи и почему-то — это странно — её пульс, — у нас мало времени.

За окном начинает накрапывать дождь.

Я смотрю на капли на стекле и думаю: Италия. Господи, что мы творим?

Но внутри, где-то глубоко, там, где я так долго душила всё живое, — внутри теплеет.

Я утонула в кресле самолёта ещё до того, как шасси оторвались от земли. Знаете это чувство, когда за спиной захлопывается дверь клетки, а впереди — только небо и бесконечная череда «а что, если»? Я посмотрела в иллюминатор. Облака были именно теми самыми — ванильными, пушистыми, пропитанными свободой и лёгким привкусом шампанского, которое ещё даже не наливали, но которое уже обещали в бизнес-классе. Идеальный кадр для дешёвой мелодрамы о побеге с бюджетом в три копейки и актёрами, которые забыли текст.

Идиллию разрушал только сосед справа.

Я мысленно окрестила его «Чарльз Мэнсон на минималках». Ладно, может, он и не маньяк. Возможно, он вегетарианец и любит котят. Возможно, у него больная мать и он спешит к ней в больницу. Возможно, я просто предвзята. Но сальные патлы, свисающие на лоб, и пирсинг в носу, напоминающий деталь от сантехники, который, кажется, был вставлен ещё в доисторические времена, кричали об обратном. Господи, прости меня за этот снобизм, но если этот человек предложит мне конфетку, я закричу. Или выпрыгну в окно. На высоте десять тысяч метров.

Но даже сосед-потрошитель (ладно, пусть просто «подозрительный тип с непонятными намерениями») не мог испортить момент. Я смаковала воздух свободы, прекрасно понимая, что это затишье перед бурей. Дома меня ждёт Армагеддон с комитетом по моей судьбе в лице родителей. Они уже расписали мою жизнь на десять лет вперёд, но забыли оставить графу «мнение Вики». Что ж, раз приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит, надо хотя бы устроить прощальный банкет. За свой счёт.

Полёт прошёл хорошо. Маньяк спал и даже не храпел — за что ему отдельный респект и мысленная медаль «За вклад в сохранение моих нервных клеток».

Италия встретила нас солнцем и Римом. И, конечно, тем невыносимым шумом, который бывает только на вокзале, где смешиваются все языки мира, и какой-то мужчина в об-

тягивающей рубашке орёт по-итальянски в телефон, размахивая руками так, будто дирижирует симфоническим оркестром.

Лиза, моя драгоценная подруга-катастрофа, выбрала отель в самом сердце города. И тут я должна сделать паузу. Обычно, когда Лиза что-то бронирует, это заканчивается либо хостелом с привидениями в Праге, где за стеной плакал ребёнок и что-то скрипело даже в отсутствие ветра, либо номером без горячей воды, но с великолепным видом на мусорные баки и местную свалку.

Но в этот раз она превзошла саму себя.

Это было не здание, а воскресшее произведение искусства. Старинная палатца с выцветшими фресками на фасаде, увитая плющом так густо, что казалось, будто каменные стены держатся только на этом зелёном каркасе. Фонтан напротив журчал, как старый добрый знакомый, приглашая присесть на край и бросить монетку, чтобы когда-нибудь вернуться. Всё выглядело так, будто мы попали в чужой сказочный сон, и в любой момент кто-то должен был нас разбудить.

Единственный нюанс: вокруг не говорили ни на русском, ни на английском.

В принципе, я к этому была готова. Но когда женщина на ресепшене с идеальной укладкой и идеальным маникюром (сколько она на него потратила? я даже спрашивать боюсь) начала сыпать итальянскими словами со скоростью пулемё-

та, я поняла: мой школьный итальянский «Чао, bella, come stai?» не спасёт.

Спасибо тебе, Лиза! Огромное человеческое спасибо за то, что в девятом классе я учила итальянский по сериалам и старым фильмам, а не разглядывала мальчиков в окно и не списывала домашку по математике. Мои поверхностные знания, состоящие из ругательств, кулинарных терминов и фраз про любовь, превратили процесс заселения в театральную пантомиму: я махала паспортом, улыбалась так широко, что у меня свело скулы, делала «arrivederci» лицом и молилась всем известным мне богам, чтобы ключи подошли к двери, а не к какой-нибудь подсобке горничной, где хранят веники и живет привидение.

Ключи, к счастью, подошли.

Едва мы переступили порог номера, как глаза Лизки вспыхнули дьявольским огнём. Вы бы видели это выражение — оно бывает у кошек, которые увидели птичку, у охотников, которые взяли след, и у моей подруги, которая только что поняла, что мы в Италии, а итальянские мужчины, как известно, ходят по земле и их можно трогать.

Она развернулась ко мне с грацией торпеды, и я угадала это слово ещё до того, как она открыла рот.

— КАЗИНО! — взвизгнула она, подпрыгивая на кровати так, что кровать жалобно скрипнула, выражая протест.

Я драматично закатила глаза к потолку, на котором, кстати, тоже была фреска с какими-то пухлыми ангелочками, которые, кажется, осуждающе на меня смотрели.

— Слушай, насколько мне известно, — начала я тоном человека, который хотя бы раз открыл «Википедию» перед поездкой и даже прочитал пару абзацев, — официального, приличного казино в Риме днём с огнём не сыщешь. Их или закрыли, или загнали подпольно, или...

— А мы пойдём в ненормальное! — перебила она меня, не дав договорить. — Ну, Ви-и-ик, пожалуйста! Я не планирую там играть, я планирую найти мужчину. Ты слышала хоть что-то про итальянцев? Они же горячие, как печка для пиццы! Они говорят на языке, который создан для того, чтобы шептать комплименты на ухо!

— Лиз, ты карты-то в руках держать не умеешь, — хмыкнула я, наблюдая, как она вытряхивает содержимое своей косметички на кровать, создавая маленький хаос из помад, теней и блесток.

— А зачем мне карты? — фыркнула она, выбирая помаду самого вызывающего красного оттенка. — Мой главный козырь — декольте. Я хочу не блэджек, я хочу ночь греха! Неделю греха! Месяц! Всю оставшуюся жизнь!

— Ну хорошо, — сдалась я, разглядывая ангелочков на потолке, которые, казалось, одобрительно кивали. — Но меня в свои амурные авантюры не впутывай. Я не хочу, чтобы нас обеих депортировали или чтобы какой-нибудь ревнивый

синьор гонялся за нами с ножом для сыра, крича «La mia Vendetta!». У меня нет вида на жительство, а в итальянских тюрьмах, говорят, плохой кофе.

— Хватит уже быть пай-девочкой, — фыркнула Лиза, ловко, как заправский гримёр, поправляя макияж маленьким пальцем. — Давно бы нашла кого-нибудь, сбежала бы от своих церберов и перестала играть роль Золушки, которую заперли в банке. Посмотри на себя. Молодая, красивая, истеричная — мужики таких любят. Им же нужны не удобные женщины, а те, с кем интересно сойти с ума.

Я лишь усмехнулась про себя. «Пай-девочка». Если бы она знала правду. Если бы она знала, что я выросла, глядя на зелёное сукно и слушая шелест фишек. Если бы она знала, что покер, блэкджек, рулетка — для нашей семьи это был не порок, а своего рода «вид спорта». Я читала блеф по лицам раньше, чем научилась читать «Войну и мир» (которую, честно говоря, так до конца и не осилила).

К слову о тюрьме... Знаете шутку? Если бы обстоятельства сложились иначе, и меня за что-то посадили бы, в колонии строгого режима у меня был бы непререкаемый авторитет. Я бы сидела на верхних нарах, пила кипяток из кружки и принимала ставки на сигареты от «авторитетов» в полосатой робе. Шутка. Почти.

Лизка ищет итальянского темперамента. А я, пожалуй, освежу свои навыки. Если уж вечер перестаёт быть томным (а в Риме вечера становятся томными автоматически, даже

если ты просто идёшь за хлебом), нужно убедиться, что домой я привезу не новые проблемы, а хотя бы чей-то выигранный бумажник.

Господи, помилуй нас обоих. Прошу тебя

— Через час выходим, — сказала я, вставая с кровати и направляясь к своему чемодану. — Но если нас ограбят, арестуют или продадут в рабство на местном чёрном рынке, я напишу об этом мемуары и сделаю тебя главным злодеем.

— Согласна! — крикнула Лиза из ванной, где уже зашумела вода.

Господи, помилуй нас обоих. Говорю это уже во второй раз. Надеюсь, сработает. Но что-то мне подсказывает, что нет.

Рим ночью — это, знаете, как если бы съесть слишком много пиццы, запить её тремя литрами апероля и попытаться станцевать танго. Навязчиво, красиво, хочется ещё, и голова идёт кругом.

Выходим мы из отеля уже затемно. Время пролетело незаметно: Лиза устроила в ванной персональный салон красоты, я же, как человек умеренный, ограничилась джинсами, чёрным топом (не слишком вызывающим, но мать всё равно бы сказала «вульгарно») и лёгким макияжем. Волосы распустила, потому что если уж сбегать от криминальной семьи, то с распущенными волосами, как в кино.

В казино, которое нашла Лиза (у неё, оказывается, были

знакомые знакомых, которые порекомендовали это место), было... атмосферно. Сказать «дорого» — ничего не сказать. Сказать «пафосно» — тоже. Это был тот уровень, когда хрустальные люстры весят больше, чем я, а ковры такие толстые, что ноги в них утопают по щиколотку.

— Ну как? — прошептала Лиза, оглядываясь по сторонам с видом ребёнка, которого впервые привели в Disneyland. — Мне нравится. Пахнет деньгами и... чем-то ещё?

— Отчаянием и дорогими духами, — ответила я, чувствуя, как внутри разгорается знакомый, почти забытый азарт.

Я знала это место. Не это конкретное, а такие вообще. У нас дома часто собирались папины гости, и после обильных застолий они спускались в подвальный этаж, где стоял зелёный стол. Мне было пятнадцать, когда папа, устав от моих взглядов исподлобья, сказал: «Раз такая любопытная, садись. Посмотрим, на что ты годна».

Я оказалась годна. Чёрт возьми, я оказалась очень годна. Мы нашли свободный столик для покера. Я села, и руки сами легли на зелёное сукно. Лиза устроилась рядом, комментируя всё происходящее шёпотом, который был слышен, наверное, в соседнем квартале.

— Слушай, а ты уверена? — спросила она, когда я поставила первую фишку.

— Ни в чём, — честно ответила я. — Но если проиграю, у нас хотя бы будет история, которую мы расскажем внукам.

Игра началась.

Первая раздача. Я смотрю на свои карты. Пара восьмёрок. Не фонтан, но и не мусор. Напротив меня сидит мужчина — типичный «синьор с усами», который явно считает себя местным королём покера. Он смотрит на меня с лёгким пренебрежением — мол, девчонка, заблудилась.

Я делаю рейз.

Он перерейзит.

Я зову.

Флоп. Восьмёрка, туз, двойка.

Внутри у меня всё замирает.

Сет. У меня сет.

Теперь главное — не выдать себя. Я делаю вид, что разочарована. Смотрю на свои фишки, как на смертельных врагов. Вздыхаю. Мужчина с усами ставит. И ещё. И ещё.

Я поднимаю. Он идёт ва-банк.

Я принимаю.

Когда я открываю свои карты, его лицо — это шедевр. Сначала недоумение. Потом шок. Потом ярость.

Он проиграл. Всё.

— Санта-Мария, — шепчет Лиза, глядя на кучу фишек, которые пододвигают ко мне.

— Мадонна, — поправляю я её, забирая выигрыш. — Ты же в Италии. Говори правильно.

— Мадонна, — повторяет она, как заклинание.

Дальше — больше. Я играю агрессивно, но осторожно. Я

чувствую стол. Я чувствую игроков — когда они блефуют, когда у них монстр-рука, когда они просто пытаются меня запугать.

Итальянец с повязкой на глазах — блефует как дышит.

Парень в смокинге, который слишком молод для этого места — явно пришёл показать себя, играет слишком много рук.

Девушка с идеальным маникюром — консерватор, входит в игру только с сильными картами.

Я срываю их, как орешки.

К концу второго часа игры я была в плюсе на сумму, которой хватило бы на месяц жизни в Риме. Или на два. Или на три, если питаться одной пиццей-маргаритой и не покупать золотые унитазаы.

— Вика, — прошептала Лиза, когда мы вышли на улицу, вдыхая ночной римский воздух, пахнущий жасмином и свободой. — Ты... кто ты?

— Понятия не имею, — честно сказала я, чувствуя, как лёгкий ветер играет с моими волосами. — Но, кажется, я начинаю себе нравиться.

Мы засмеялись — так, как смеются только после хорошего выигрыша и плохих решений. Шли по мостовой, держась за руки, как две девчонки, которые украли у жизни этот день.

— Ты знаешь, — сказала Лиза, когда мы остановились у фонтана, — я ведь серьёзно предложила сбежать. Не только в Италию. А вообще. От всего.

— Я знаю, — тихо ответила я, глядя на воду, которая переливалась в свете фонарей.

— И что ты об этом думаешь?

Я промолчала.

Потому что думала я о многом. О том, что папа найдёт меня. Рано или поздно. О том, что он не простит. О том, что Владимир с энергетическими проектами, наверное, уже расстроен.

Но сейчас, здесь, в Риме, где золотистые купала отражались в воде, а вдалеке кто-то играл на гитаре, мне было плевать.

— Я думаю, — сказала я, — что нам нужно найти место, где подают самый лучший тирамису во всём городе. И съесть его. За побег.

Лиза улыбнулась своей хищной улыбкой.

— А потом?

— А потом посмотрим, — я пожала плечами. — Может, и правда... сбежим куда-нибудь ещё.

Мы пошли дальше, оставляя позади фонтан, хрустальные люстры казино и мои старые страхи.

Впереди была ночь.

А в ночи, как известно, можно всё.

Глава 3. Виктория

Я потеряла Лизу где-то между рулеткой и столиком с высокими ставками.

Честно говоря, это было лишь вопросом времени. Лиза и казино — смесь более взрывоопасная, чем «Кока-Кола» с мятной жвачкой. В какой-то момент она просто растворилась в толпе, оставив после себя шлейф духов, несколько сбитых с толку итальянцев и моё растущее чувство тревоги.

— Где тебя черти носят? — пробормотала я себе под нос, оглядывая зал.

Золото, хрусталь, дорогие костюмы и ещё более дорогие лица. Всё это походило на выставку достижений народного хозяйства в мире криминала и плохих решений. Я направилась к бару — стопроцентная вероятность, что Лиза там. Помимо неуместного флирта с каждым встречным (и даже с каждым поперечным), она обожала напиваться в сопли, а потом возвращаться к первому своему хобби — создавать проблемы.

У бара её, к моему искреннему удивлению, не оказалось.

Вообще никого не оказалось, кроме бармена — молодого парня с лицом человека, который видел здесь такое, что психотерапевты собирают коллективные консилиумы. Он протирал бокал одним и тем же движением уже минуты три, гипнотизируя пространство перед собой.

— Лонг Айленд, пожалуйста, — сказала я, ставя сумку на барную стойку. — И покрепче. У меня день рождения был вчера, и жизнь решила, что это недостаточно веский повод для депрессии.

Бармен кивнул с видом философа, познавшего дзен. Пока он колдовал над моим коктейлем (а колдовал он с той же страстью, с какой экскаватор копает траншею — механически и бездушно), я достала телефон.

Вика: Где тебя черти носят? Где ты опять?!

Три точки загорелись сразу. Везёт же людям — у Лизы, кажется, даже в подпольных казино отличный интернет. Наверное, это её сверхспособность.

Вика: И с кем???

Лиза: Я отъехала на несколько часов. Срочные дела. Развлекайся, девочка.

Я уставилась на экран. «Отъехала». В Риме. Ночью. В казино, где мы были проездом, без документов, без нормально-го знания языка, без плана, без всего, кроме рюкзака и пачки денег, которую я выиграла, играя против местных.

Вика: Напомни мне завтра прекратить с тобой общение и дружбу.

Лиза: Не выйдет, сладкая.

Лиза: Всё, не могу говорить, срочные дела!!!

Я представила её «срочные дела». Скорее всего, это какой-нибудь Марио или Лучано с волосатой грудью и золотой цепью, который обещал показать ей «настоящий Рим».

Что ж, Лизка, удачи. Если завтра я увижу твою фотографию в криминальной хронике под заголовком «Русская туристка шокировала местных», я не удивлюсь.

Вика: Убью.

Сообщение ушло, но ответа не последовало. Лизка, зараза, уже отключилась.

Я вздохнула и положила телефон на стойку, принявшись за коктейль. Напиток оказался на удивление приличным — достаточно алкоголя, чтобы забыть о проблемах, и достаточно вкуса, чтобы не плевать.

Не успела я сделать и глотка, как почувствовала это.

Холодок. Тот самый, который пробегает по спине, когда понимаешь, что на тебя смотрят. Не так, как смотрят на красивое платье или интересную причёску. А так, как хищник смотрит на добычу, прикидывая, с какого бока удобнее подойти.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я повернула голову.

И увидела его.

Он стоял в трёх метрах от меня, прислонившись плечом к колонне из тёмного мрамора. Просто стоял и смотрел. Не отрывая взгляда. Без намёка на улыбку. Без намёка на что-либо вообще, кроме голого, неприкрытого интереса.

Это был огромный мужчина. Не просто высокий — огромный. Такие бывают в фильмах про викингов или в ночных кошмарах. Широкие плечи обтягивал чёрный пиджак,

который, казалось, вот-вот треснет по швам от напряжения мышц. Рубашка — чёрная же, расстёгнута на пару пуговиц, открывая кусочек загорелой шеи и намёк на то, что под тканью скрывается рельеф, достойный античной статуи.

Чёрные короткие волосы, чёрные глаза — такие тёмные, что в этом полумраке казалось, будто у него нет зрачков, только две бездны. Острые скулы, прямой нос, чуть сжатые губы. Он выглядел так, будто его вырезали из цельного куска гранита и забыли добавить эмоции.

«Совру, если скажу, что он не симпатичный», — подумала я, делая ещё один глоток коктейля для храбрости. Потому что правда была в том, что этот мужчина был не просто симпатичным. Он был той опасной, пугающей красотой, от которой у нормальных девушек подкашиваются колени, а у меня — сжимаются кулаки.

Но его вид... Его агрессивный, прожигающий взгляд, направленный на меня, не привлекал, а скорее отталкивал. В нём не было восхищения или хотя бы банальной вежливости. Только оценивающее, холодное: «Ты — то, что мне нужно, и мне плевать, что ты думаешь по этому поводу».

Я отвернулась.

Решила не навлекать на себя очередных проблем. Мне и так хватило побега из дома, возможности оказаться совершенно одной в подпольном казино без подруги, денег (ладно, деньги были, но не суть) и с чувством, что за мной следят уже вторые сутки.

ОДНОЙ В ПОДПОЛЬНОМ КАЗИНО!

Хотя довольно интересный факт: я отсутствую дома уже практически двое суток, и мне до сих пор никто не позвонил и не написал. Ни отец, который обычно проверял моё местоположение каждый час. Ни мать, которая видела меня во сне и требовала отчёта о том, что я надела, с кем говорила и как долго дышала. Ни даже служба безопасности, которая, казалось, знала, какой зубной пастой я чищу зубы по утрам.

Это было странно. Очень странно.

Обычно родители желали, чтобы я была на виду практически всегда. Исчезновение на два часа вызывало шквал звонков, сообщений и появление охраны в радиусе километра. А тут — двое суток, и тишина. Гробовая.

«Либо они уже нашли меня и сейчас просто следят, выжидая удобного момента, чтобы вытащить меня с поличным, — подумала я, делая глоток. — Либо им настолько плевать, что они даже не заметили моего отсутствия. Либо...»

Либо произошло что-то, о чём я не хотела думать.

Писать первой я не решалась. Проблемы в любом случае будут. А вот через сколько — большой вопрос. Ну да ладно. Буду решать их по мере поступления.

Я сделала ещё один глоток коктейля.

Чувство, что кто-то на меня смотрит, не уходило. Наоборот — оно усилилось, стало плотнее, почти осязаемым. Как будто кто-то накрыл меня одеялом из чужого внимания.

Моё терпение, которого и так было не много, начало стре-

нительно заканчиваться.

Я чувствовала, как внутри закипает злость. Такая, знаете, особенная — на грани истерики и героизма. Та, которая заставляет делать глупости. В схватке с этим мужчиной я вряд ли окажусь победителем — он превосходил меня по весу и росту так, будто я была ребёнком, а он — шкафом. Но видит бог, я уже была на грани ярости.

Коктейль — не знаю, то ли его состав, то ли количество выпитого — придал мне смелости. Я развернулась на стуле, готовая высказать этому нахалу всё, что я думаю о его методах знакомства.

Он стоял уже ближе.

Намного ближе.

Он подошёл ко мне, пока я отворачивалась, и теперь находился в каком-то метре. Я даже не слышала его шагов. Он двигался с той пугающей бесшумностью, которая бывает у крупных хищников — тех, кому не нужно рычать, чтобы все разбежались.

Я молча начала его разглядывать. Не из вежливости — из чистого, неприкрытого вызова. «Ты смотришь на меня? Я смотрю на тебя. И что дальше?»

Чёрные короткие волосы, чёрные глаза, острые скулы. На нём чёрный костюм и чёрная рубашка с расстёгнутыми первыми пуговицами. Ни галстука, ни запонок. Ничего лишнего. Только ткань, которая, кажется, была сшита специально на его фигуру.

Он был красив. Я не могла этого отрицать. Но его красота была той породы, которая вызывает не «ах», а «ой». Не желание прикоснуться, а желание убедиться, что дверь заперта.

«И этот красавчик решил, что я — его законная добыча», — подумала я.

Я начала понимать, что сейчас явно что-то произойдёт. То, что мне совсем не понравится. Такое, после которого я буду долго отмываться и отмаливаться. Или, как минимум, писать заявление в полицию.

Я развернулась обратно к бару, взяла сумку и начала спускаться со стула.

Но не успела.

Он обошёл меня с нечеловеческой скоростью — не обошёл даже, а как-то материализовался с другой стороны, преграждая путь. Его руки легли на стойку по бокам от меня, запирая в ловушку. Буквально. Он развернул стул так, чтобы я оказалась зажатой между его телом и барной стойкой, и расставил руки по бокам, создавая клетку из мышц и чёрной ткани.

Меня сразу окутал его запах. Древесные ноты со свежестью. Дорогой парфюм. Тот, который не продают в обычных магазинах. И под всем этим — что-то тёплое, почти живое. Что-то человеческое, что не вязалось с его холодным, хищным взглядом.

Он просто смотрел на меня.

Молча.

Я начала терять терпение и самообладание. Пульс участился, дыхание перехватило. Но я не собиралась показывать страх. Ни за что.

— Вы, вероятно, меня с кем-то перепутали, — сказала я максимально спокойным тоном, переходя на английский. Акцент у меня был приличный — репетиторы, которых нанимала мать, хотя бы в этом преуспели. — Мы не знакомы, чтобы так меня трогать и так на меня смотреть.

Он чуть склонил голову набок. Как пёс, который услышал незнакомый звук и пытается понять, съедобно ли это.

— А как я на тебя смотрю, Кукла?

Его голос... Господи, его голос. Низкий, хриплый, с итальянским акцентом, который делал каждое слово похожим на признание в любви или угрозу. Сложно было понять. Он буквально выплёвывал последнее слово, смакуя его, как дорогое вино.

«Кукла».

Прозвище, от которого меня передёрнуло. Множество раз мне делали комплименты, называли «красавицей», «ангелом», даже «богиней» (пьяные идиоты на вечеринках, не больше). Но это — «Кукла» — в его устах звучало пошло. Как будто он уже мысленно раздел меня, упаковал в коробку и поставил на полку.

Или хуже.

— Вы меня с кем-то перепутали, — повторила я, пытаюсь отпихнуть его руки. Естественно, ничего не вышло. Мои

усилия были примерно так же эффективны, как попытка сдвинуть Эйфелеву башню голыми руками. — Уберите руки. Немедленно.

Он не убрал.

Он только ещё сильнее прижался, сократив расстояние между нами до опасного минимума. Теперь я чувствовала жар его тела даже через ткань своего топа. Мой затылок упёрся в край барной стойки, а перед глазами была только его грудь — широкая, твёрдая, совершенно непробиваемая.

От злости я начала дышать чаще. Кулаки сжались сами собой, ногти впились в ладони. Если бы взглядом можно было убивать, от этого мужчины осталась бы горстка пепла.

— Одна тут? — спросил он, не обращая внимания на мои попытки освободиться.

— Да, — процедила я сквозь зубы. — И уже ухожу. Спасибо за излишнее уделенное внимание к моей персоне, но мне пора отправляться домой и отдаваться Морфею.

Он нахмурился. Не понял.

— Муж твой? — его взгляд прожигал мои глаза, и на секунду я заметила в них что-то похожее на раздражение. Или ревность. Или просто несварение желудка — с таким типом лиц сложно понять.

«Ты ж мой сладкий, — подумала я. — Ты что, не любишь, когда тебе отказывают?»

— О да, — сказала я. Голосом, полным сарказма. — Мой муж — Морфей. Очень ревнивый. И он бог. Так что если вы

не хотите, чтобы вас превратили в статую из мрамора или, на худой конец, в барный табурет, я настоятельно рекомендую меня отпустить.

На его лице ничего не изменилось. Но он отпустил меня.

Медленно. Как будто делал мне одолжение. И протянул руку — широкую ладонь с длинными пальцами, как будто предлагая помощь.

— Как галантно, — пробормотала я, игнорируя его жест и спрыгивая со стула самостоятельно. — Слов нет.

— Если замужем, то почему кольцо не носишь? — спросил он, не убирая руки.

— Расслабься, — сказала я, отступая на шаг. — Морфей — это бог сна. Пока-пока.

Я развернулась и начала ускоряться к выходу. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги, казалось, налились свинцом. Я почти была у двери, почти чувствовала спасительный воздух римской ночи, когда...

Он встал передо мной.

Буквально. Материализовался из воздуха, как чёртова тень.

— Ты куда? — спросил он, и в его голосе не было вопроса. Было утверждение. «Ты никуда не идёшь».

— Домой, — сказала я, пытаюсь обойти его.

Он сдвинулся, снова преграждая путь. Я — в другую сторону. Он — снова.

Мы играли в какую-то абсурдную игру, где я была мыш-

кой, а он — очень настойчивым котом, который не голоден, но просто хочет поиграться.

Я остановилась. Сложила руки на груди. Начала очень громко вздыхать, показывая всем своим видом, как же сильно он мне уже надоел.

— Сыграешь со мной? — спросил он.

Это было неожиданно.

— Пожалуй, нет, — пробормотала я, глядя ему прямо в глаза. — Откажусь.

Он не выглядел расстроенным.

Врать не буду — он был сексуальным. Безумно, невыносимо, неправильно сексуальным. Если бы не моя жизненная ситуация (побег из дома, родители-преступники, тотальная неизвестность), и если бы не воспитание (которое, как ни крути, вложило в меня хотя бы каплю здравого смысла), может быть, я бы даже хотела провести с ним какое-то время. Может быть, даже в горизонтальной плоскости.

Хотя, с другой стороны...

А нет, о чём это я? Только подумала.

— Мне правда пора идти, — я вздохнула и положила руку ему на грудь, чтобы мягко отодвинуть.

И замерла.

Под тканью рубашки я чувствовала его сердце. Оно колотилось — сильно, быстро, неравномерно. Как будто ещё немного — и оно выпрыгнет прямо на меня. Так, будто этот невозмутимый, агрессивный, огромный мужчина... нервни-

чал.

Или возбуждался. И то и другое — плохие новости.

— Я не займу у тебя много времени, — сказал он, и его голос стал ниже на октаву. — Просто сыграй со мной в партию покера.

— Ну хорошо, — сказала я, сдаваясь. Потому что спорить с ним было бесполезно, а охраны в этом заведении, судя по всему, не было даже в виде хиленького вышибалы. — Только денег у меня нет.

Ложь, естественно. Деньги были. Целая пачка, выигранная час назад. Но если этот медведь увидит, как я играю, он вряд ли захочет садиться со мной за один стол.

— Мы сыграем на желание, — пророкотал мужчина.

Я посмотрела на него и задумалась.

Он явно итальянец. Чёрные волосы, любовь к нарушению моих личных границ, полное отсутствие понятия «личное пространство». Он безумно высокий и огромный в плечах. Понятно, что с моим ростом в 165 сантиметров для меня все высокие, но тут явно около двух метров. С виду он напоминал медведя — таким же тяжёлым, угрожающим и, если честно, немного неуклюжим взглядом. Хотя нет, неуклюжим он не был. Он двигался с той опасной плавностью, которая бывает у профессиональных убийц в кино.

— Какое желание? — спросила я, отвлекаясь от его глаз и как будто выходя из транса. Глаза. Чёрт, эти глаза. В них можно было утонуть. Или, по крайней мере, потерять нить

разговора.

— Пока не знаю, — он чуть улыбнулся. Одними уголками губ. — Есть мысли?

— Ладно, — вздохнула я. — Пошли.

Стол, за который он меня привёл, находился в дальнем конце зала. Отдельная кабинка, отгороженная тяжёлыми портьерами цвета запёкшейся крови. Здесь было тише. Только зелёное сукно, две стопки фишек и мягкий свет лампы, свисающей с потолка.

Воздух здесь пах дорогим виски, терпким потом и деньгами, которые никогда не видели солнечного света. Люстра из мутного хрусталя отбрасывала желтоватые блики на зелёное сукно, истертое до блеска тысячами чужих рук.

Он сел напротив. Темные глаза смотрели в упор.

— Данте Коста, — коротко кивнул он, не протягивая руки. Будто имя должно было сказать всё само за себя.

Я подавила смешок и желание огрызнуться, приклеив к лицу улыбку, которая стояла мне всей жизни в окружении фальшивых людей.

— Виктория.

Он чуть склонил голову, оценивая. Как лошадь на ярмарке, честное слово.

— Только Виктория? Без фамилии?

— А вам для чего? — я взяла колоду, начала тасовать. Карты скользили, как живые. — Проигрывать будете, а не в

загс идти.

Его губы дрогнули — не улыбка, скорее, обещание боли.

— Острая. Я люблю, когда жертва сопротивляется. Скучно, когда сразу плывут.

— А вы, значит, хищник? — я усмехнулась. — Данте Коста. Звучит как имя для героя дешевого романа. Или для владельца прачечной, который решил, что он мафиози.

— И то и другое, — он не моргнул. — Прачечная у меня действительно есть. В ней я отстирываю кровь таких наглых девушек.

— Очаровательно. Давайте играть, или вы так и будете пугать меня семейным бизнесом?

Он накрыл мою руку своей. Ладонь сухая, горячая, сильная. Я почувствовала мозоли — странно для человека в таком костюме.

Я выдернула руку и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Сарказм — моё единственное оружие, когда внутри всё сжимается в тугой ком.

— Итак. Желание? Какое? Подарить вам щенка? Научить вышивать крестиком? Или вы из тех мужчин, чьи фантазии заканчиваются на том, что я сниму туфли?

Он засмеялся. Низко, гортанно. И этот смех оказался ещё страшнее, чем его серьёзное лицо.

— Желание победителя — закон. И поверь, Виктория, мои фантазии начинаются там, где твои заканчиваются в ужасе.

— О, какие мы пафосные, — я взяла карты. — Сдаю. Но предупреждаю: в прошлый раз парень, который предложил мне сыграть на желание, ушёл домой в моём белье. На голове.

— Впечатляет, — он облизал губы. — Буду знать, что мне есть к чему стремиться.

Он сдал? Нет. Я сдала. Потому что за этим столом правила устанавливаю я, даже если напротив сидит мужчина, от которого пахнет потом, опасностью и чем-то сладким — не то карамелью, не то кровью.

Первый круг. Мои карты легли веером: восьмёрка и девятка червей. Не фонтан, но для дро — терпимо. Я посмотрела на него поверх карт. Он даже не глянул на свои. Просто держал их рубашкой вверх, глядя на меня.

— Ты всегда так смотришь? Как на стейк перед ужином?

— Только на то, что собираюсь съесть, — он подвинул фишку. Чёрную, с гравировкой волчицы. — Десять тысяч.

— О, начинаем с разведки боем, — я уравнила. — Дорогой Данте, вы не выглядите как человек, который умеет проигрывать.

— А ты не выглядишь как человек, который умеет выигрывать. Но внешность обманчива, да?

Второй круг. На столе открылись валет червей, тройка пик и десятка червей. Моё сердце стукнуло. Флеш-дро на червах. Неплохо. Я прикусила губу — привычка, которую я ненавидела в себе.

— Ты думаешь слишком громко, — заметил он. — У тебя на лице написано «кажется, я в деле». Скучно.

— А у тебя на лице написано «кажется, я сейчас обосусь», но я же молчу из вежливости.

Он наклонился вперёд, и свет люстры упал на его скулы, вылепив резкие тени.

— Вежливость? Ты в Риме, дорогая. Здесь вежливых съедают на завтрак.

— Тогда я буду на обед. Сдавай уже.

Третий круг. Я подняла ставку — агрессивно, почти грубо. Тридцать тысяч. Он уравнил, даже не поморщившись. Но я заметила, как дрогнул его мизинец. Одна секунда. Один жест. Он нервничал. Или блефовал. Чёрт, этот мужчина мог блефовать даже своей тенью.

Четвёртая карта на столе — король червей.

Господи.

У меня теперь были восьмёрка, девятка, валет, десятка и король червей. Не хватало всего одной — дамы червей. Флеш-рояль. Самый красивый, самый редкий, самый гребанный розыгрыш в покере.

Я посмотрела на свои карты. На него. На стол.

Он улыбнулся. Хищно, широко.

— Дрожишь, Виктория?

— Это от восторга. Или от отвращения. Не могу отличить, когда смотрю на тебя.

— О, ты смотришь на меня. Часто. И долго. Я начинаю

думать, что тебе нравится.

— Мне нравится твоя самоуверенность. Она забавная. Как у таксы, которая лает на ротвейлера.

Он положил руку на стол. Пальцы длинные, с вьёвшейся грязью под ногтями — откуда? Где этот человек держал руки до того, как сесть за зелёное сукно?

— Ва-банк, — сказал он и подвинул все фишки. Все до единой. На кону было полмиллиона евро и одно желание, от которого у меня свело живот. — Показывай, девочка. Или ты только языком трепать умеешь?

Я чувствовала пятую карту под пальцами. Она должна была лечь сейчас. Судьба. Идиотизм.

— Ты знаешь, Данте, — я наклонилась к нему через стол, так что наши лица разделяли сантиметры, — в моём языке нет слова «трепать». Есть слово «выигрывать». И ты сейчас его выучишь.

Он усмехнулся.

И в этот момент — именно в этот, когда мои пальцы уже тянулись к пятой карте, когда я почти чувствовала даму червей на кончиках пальцев — мир разлетелся вдребезги.

Грохот.

Нет, не так.

ГРОХОТ.

В зал ворвались четверо.

В чёрных масках. С автоматами, которые смотрелись здесь так же уместно, как гробы на свадьбе. Или как я в сво-

ей семье.

— Все на пол, суки! — заорал один.

Голос прозвучал не по-полицейски. Не по-военному. Слишком хрипло, слишком жадно. Со вкусом насилия. Со знанием дела.

Кто-то закричал. Крупье за соседним столом упал на пол, закрывая голову руками, как страус. Женщина в красном платье завизжала — пронзительно, как чайка, которой наступили на хвост.

Первый выстрел ударил в потолок. Отколол кусок лепнины, и на нас посыпалась штукатурка — белая, мелкая, как снег летом в Риме.

Я не успела даже вдохнуть.

Потому что Данте Коста пересёк стол.

Он не обошёл его. Не обогнул — что, чёрт возьми, невозможно, когда ты сидишь в углу и тебе нужно выбраться. Он перелетел через зелёное сукно. Как чёрный зверь. Как пантера. Как мужчина, который явно делал это раньше.

Карты взметнулись в воздух.

Червовые дамы. Пиковые короли. Тузы, которые я так и не успела открыть.

Он врезался в меня, сбил со стула, и мы вместе рухнули на пол.

Больно. Чёрт, как же больно. Моя спина встретилась с паркетом, сверху на меня обрушилась гора мышц и костюма. Его спина ударилась об угол стола — я слышала, как он вы-

дохнул сквозь зубы. Сдавленно, коротко. Ему было больно. Но он не показал этого. Ни одним мускулом на лице.

— Твою мать, — выдохнула я в его грудь.

— Заткнись, — прошептал он мне в волосы. — Не двигайся. И не смотри.

Он накрыл меня целиком. Как броня. Как стена. Как одеяло, которое не спасает от монстров, потому что само является монстром, но почему-то с ним безопаснее.

Я чувствовала каждый мускул его спины. Твёрдые, как дубовые доски. Как будто он был сделан из дерева и стали. И ещё от него пахло — тем же самым запахом, который я почувствовала у бара. Древесные ноты, свежесть, что-то сладкое — не то карамель, не то кровь.

Его рука зарылась в мои волосы, прижимая моё лицо к его шее. Другая — накрыла мои пальцы, которые всё ещё сжимали карты.

Дама червей.

Она лежала у меня в руке.

Я не знаю, как. Не знаю, когда я успела её схватить. Но она была здесь. Последняя карта. Та самая. Пришла именно тогда, когда всё пошло к чертям.

Наверное, это называется ирония судьбы.

Или издевательство.

— Данте, — прошептала я, и мой голос дрожал. Не от страха — от смеха. Потому что если не посмеяться над этим, придётся плакать. А плакать перед мускулистым итальян-

цем, который только что спас мне жизнь, не входило в мои планы. — У меня флеш-рояль.

Он не понял.

Или сделал вид, что не услышал.

Над нами свистели пули. Где-то разбилось стекло, зазвенел поднос с фишками. Бандиты орали на итальянском, требуя, чтобы им открыли сейф. Я не всё поняла, но пару новых ругательств выучила. Итальянский — красивый язык для угроз. Почти такой же красивый, как французский для признаний в любви.

Кто-то плакал. Мужчина, взрослый мужчина, плакал как ребёнок. Я не видела, кто, но слышала эти всхлипы — тихие, отчаянные, непривычные для такого места.

— Ты проиграл бы, — сказала я громче, чем планировала.

Он поднял голову на секунду. Посмотрел на меня сверху вниз — с высоты своего роста, с высоты своего веса, с высоты всего, что он собой представлял.

В его глазах не было страха.

Только злость. Чистая, белая, кипящая. Такая, от которой у нормальных людей кровь стынет в жилах.

— Нет, — ответил он. — Игра не окончена. Я никогда не проигрываю, Виктория.

— Да у тебя была всего одна комбинация до победы, — я говорила шёпотом, но каждое слово было как пощёчина. — Как и у меня. Ты бы проиграл.

Он усмехнулся. Прямо в моё лицо. Я почувствовала запах

его дыхания — виски и мята. Дорогой виски, судя по аромату. И дешёвая мята, судя по всему остальному.

— Дорогая, — сказал он, и его голос был таким тихим, что я слышала каждое слово сквозь стрельбу, сквозь крики, сквозь звук бьющегося стекла. — Если бы ты знала, какие карты я держал, ты бы поняла: ты никогда не должна была выиграть. Но сейчас не об этом.

Он снова прижал меня к себе. Сильнее. Плотнее. Так, что я чувствовала каждый удар его сердца. Оно колотилось, как бешеное. Не от страха — от чего-то другого. От чего-то, о чём я не хотела думать.

Осколок вонзился в стену в сантиметре от его плеча. Он не дрогнул. Даже не моргнул.

Странно Но с ним мне совсем не страшно.

Я — девушка, которая боится пауков, темноты и разговоров с отцом о моём будущем — лежала на полу подпольного казино, пока бандиты с автоматами грабили это место, и чувствовала спокойствие.

Возможно, у меня сотрясение.

Или я наконец-то сошла с ума.

— А о чём? — спросила я, и мой голос дрожал. Впервые за вечер. — О чём сейчас, Данте?

— О том, что желание победителя — закон, — прошептал он. Так близко, что его губы почти касались моего уха. — А я пока не победил. Потому что ты жива. А значит, мы ещё сыграем.

— Что теперь? — я снова услышала крики. Запах пороха стал сильнее, почти невыносимым. Где-то залаяла собака — или мне показалось? В казино? Серьёзно?

— Ты можешь помолчать? — он говорил сквозь зубы. Напряжённо. Сосредоточенно.

— Ну уж нет, — я попыталась его от себя отпихнуть. Бесполезно. Как пытаться сдвинуть гору голыми руками. — У тебя не получится меня заткнуть.

— Вот и проверим.

Он опустил руку в карман. Я не видела, что он достал — только почувствовала холод у своей шеи. Металл. Гладкий, прохладный, чужой.

— Что ты делаешь? — спросила я, но голос уже стал заплетаться.

Боже, какая ирония. Я пережила ограбление, чтобы меня вырубил мужик, с которым я играла в покер? Серьёзно? Это в самом деле происходит?

— Спи, Кукла, — сказал он, и его голос звучал откуда-то издалека. — Я нашёл тебя. Теперь ты моя.

— Не-а, — попыталась сказать я, но вышло что-то неразборчивое. — Я не твоя. Я вообще ничья

Боль.

Темнота.

И последняя мысль, которая пронеслась в моей голове, прежде чем я отключилась: «Твою мать, Лиза. Спасибо тебе за это».

Потом — ничего.

И знаете что?

Это было самое лучшее, что произошло со мной за восемнадцать лет.

Потому что в темноте нет семейных ужинов. Нет вопросов о том, почему я до сих пор не замужем (а я напомним: мне всего 18 лет!). Нет отца, который смотрит на меня как на неудачный инвестиционный проект. Нет матери, чья любовь измеряется в потраченных на меня деньгах.

В темноте есть только я.

И этот мужчина.

Данте Коста.

Итальянский медведь, который только что меня вырубил.

Если я выживу — я ему устрою.

Если нет — ну, хотя бы умру с мыслью, что у меня был флеш-рояль.

А это, чёрт возьми, уже победа.

Глава 4. Данте

Комнату заливал красный цвет от горящей лампы на столе.

Я не фанат этой романтики. Честно говоря, красный свет напоминает мне либо бордель, либо место преступления, либо то и другое одновременно. Но именно в темноте я могу на время забыть, кто я есть на самом деле. Забыть о грузе, который лежит на моих плечах уже двадцать лет. О решениях, которые я принимал и которые стоили жизни людям. О тех, кого я не смог спасти.

Сон давно уже не идёт ко мне. Даже забыл, когда последний раз нормально спал. Не то чтобы это меня беспокоило. Наоборот. Бессонница — это единственное время, когда мне никто не нужен, никто ничего не просит, никто не ждёт, что я решу их проблемы, накажу врагов или одобрю сделку.

Благодаря такому режиму — точнее, его отсутствию — я работаю круглосуточно.

Как могут сказать многие люди, моя деятельность не совсем законная. Порою даже неправильная с точки зрения того, что они называют «моралью» и «справедливостью». Но чёрт возьми. Я вырос с этими «законными» и «правильными». Я видел, как они хоронят своих детей, потому что их «законный» бизнес рухнул. Я видел, как «правильные» люди предают друг друга за мешок золота.

Меня воспитывали как главу клана «Коста». И я никогда не шёл против своей семьи. По сей день я делаю всё ради неё и горжусь этим. Даже если иногда по утрам меня тошнит от того, что я вижу в зеркале.

После смерти родителей мне пришлось возглавить оружейный бизнес и стать главой. Ну конечно до того, как мне не исполнилось девятнадцать лет, кланом управлял мой дядя. Мне было всего лишь девятнадцать лет! Я сам заработал признание и уважение в нашем мире. Я сам. Без чьей-либо помощи. Без протекций. Я брал то, что принадлежало мне по праву, и доказывал каждому, кто сомневался, что возраст — это всего лишь цифра, когда за твоей спиной стоит ствол.

На прибыль и защиту от основной деятельности я открыл сеть казино по всей Италии. Ведь все эти богатые суки всё равно потащат свои толстые кошельки на прогулку. Лучше уж они оставят их мне, чем каким-нибудь уличным воришкам.

Всё шло хорошо дальше, пока мне на голову не свалился дядя.

Лоренцо Коста заходит не спеша в мой кабинет. Видимо, его успели предупредить, где я буду, — так как он сам недавно приехал сюда. Я не видел его три месяца — дядя предпочитает проводить время в своём поместье на Сицилии, подальше от римской суеты.

Несмотря на всю любовь к семейному бизнесу, бываю тут достаточно редко. Сейчас дела идут не очень. Идёт война

на севере — огромная часть производства и поставки идут непосредственно туда. Ну, по крайней мере, я так думал, пока не узнал, что кто-то перехватывает поставки и увозит их в неизвестном направлении.

Десять тонн боеприпасов. Только за последний месяц. Десять тонн, которые исчезают, как сквозь землю проваливаются. А люди на севере гибнут, потому что их винтовки пусты.

— Сын мой, — дядя подходит к моему столу и садится напротив, сложив руки в замок, смотря на меня вопросительно. Его глаза — точная копия глаз моего отца — смотрят в упор, и этот взгляд тяжелее, чем любой допрос. — Ты что-то хотел?

— Это я у тебя хочу спросить, — голос Лоренцо звучит ровно, но я чувствую под этим спокойствием кипящую лаву. — С каких пор мы доверяем кому-то наше оружие? И вместо того чтобы в этом разобраться, ты находишься в своём казино? Разве этому я тебя учил?

Я молчу.

Мне нечего сказать. Потому что он прав. Абсолютно, безоговорочно прав. Я должен быть на севере, лично проверять каждую партию, каждую винтовку, каждый ящик с патронами. Но вместо этого я сижу в Риме, играю в карты и позволяю каким-то ублюдкам воровать у меня из-под носа.

— Скажи мне, сын мой, разве этому я тебя учил? — повторяет он. И в его голосе не гнев. Разочарование. Которое

хуже любой пули.

— Я сказал тебе, что решу проблемы, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрже, чем я себя чувствую. — Наберись терпения, дорогой мой дядя.

Лоренцо долго смотрит на меня. Оценивает. Взвешивает. И наконец, одобрительно кивает. Не потому что он согласен с моим подходом — потому что он знает: я никогда не подводил семью. И не подведу.

Его взгляд скользит по стенам кабинета, останавливаясь на картине позади меня.

Я не любитель изысков и дорогих интерьеров. Хоть во мне и течёт истинная кровь итальянца — кровь тех, кто строил соборы и заказывал фрески у Микеланджело, — я предпочитаю минимализм. В кабинете у меня ничего лишнего. Стол. Стулья. И картина. На ней написан портрет моих родителей.

Прошло уже двадцать лет, как их не стало.

Двадцать лет, а кажется, будто это было вчера. Тот самый день. Те звуки. Крики боли матери. Они пытали их. Издевались. Жестоко, медленно, со вкусом. Меня спрятали в кухонном лифте — маленького, тощего мальчишку, который даже плакать боялся, чтобы не выдать себя. Я всё слышал. Каждый удар. Каждый крик. Каждый хруст костей. И ничего не мог сделать.

Спустя время я отомстил за них. Спустя долгие годы крови и ненависти я уничтожил всех — всю гребаную семью Д'Анджело, каждого, кто был причастен. Я лично сворачи-

вал шеи. Лично смотрел в глаза, когда они умирали. И их мольбы о пощаде звучали как музыка.

Но легче мне не стало.

Из моих мыслей меня вырвал голос Лоренцо.

— Джана подобрала для тебя идеальную пару, — затараторил дядя, даже не взглянув на меня. Он говорит так, будто обсуждает погоду или цену на нефть. — Я думаю, что на следующей неделе можно начинать подготовку к свадьбе.

Я медленно поднимаю голову. Внутри закипает глухое, усталое раздражение.

— Я вроде ясно дал понять, что пока не собираюсь жениться, — отрезаю я.

— Всё понимаю, дело молодое, — Лоренцо даже не моргает. — Но ты меня пойми: наш дон не может быть холостым. Тебе уже тридцать лет, как минимум у тебя должно быть уже трое мальчиков. Трое наследников. Я желаю тебе лучшего и надеюсь, ты это поймёшь.

Я прекрасно понимаю, о чём говорит мой дядя. Но ничего не могу с этим поделать — пока это мне не нужно. К сожалению, в нашем мире дон и глава клана действительно не может быть одинок. Старейшины уже шепчутся. Совет требует наследников. Кровь должна продолжаться.

Придётся принять предложение Лоренцо. Я никому не доверяю так, как доверяю ему и Маттео. Если Джана выбрала эту женщину — значит, она из нашего круга. Итальянка. Знатного рода. Та, которая родит мне наследников и не бу-

дет лезть в мои дела.

Я не жду любви в этом браке. Любовь — это для детей. Для поэтов. Для тех, кому не нужно каждое утро просыпаться с мыслью, что сегодня кто-то может умереть по твоему приказу. Но уважение к своей жене я обеспечу. Состояние — она не будет нуждаться ни в чём. Это всё, что нужно для брака в моём мире.

Или нет?

В кабинет без стука входит Маттео. Мой брат. Мой младший — и, чёрт возьми, иногда такой тупой, что хочется пристрелить его самому. Моё доверенное лицо, человек, которому я доверяю свою жизнь. Хотя бы потому, что у нас одна кровь. И потому, что он единственный, кто знает все мои слабости и ни разу ими не воспользовался.

— Сегодня важная игра, — с широкой улыбкой говорит Маттео, сверкая глазами. У него всегда такой вид, будто он только что выиграл в лотерею. Или украл чужой кошелёк. Или и то и другое.

— Это единственное, что тебя сейчас беспокоит? — спрашиваю я, не скрывая сарказма.

— Пожалуй, да, — задумчиво покачивает головой брат, даже не пытаясь оправдываться. — Деньги сами себя не проиграют, Данте. Кто-то же должен их спускать.

— А то, что у нас украли десять тонн боеприпасов, тебя совершенно не волнует? — я уже срываюсь на крик, потому что этот идиот способен думать только о картах и женщинах.

— Десять тонн, Маттео! Это не десять пачек сигарет!

— Я нашёл, кто это сделал, — он говорит это так спокойно, будто речь идёт о том, что он узнал прогноз погоды. — Завтра утром они будут у тебя в офисе. А уже вечером — кормить червей.

Я смотрю на него. В глазах — ни тени сомнения. Ни тени лжи.

— Похвально, — говорю я, расслабляясь. Внутри что-то отпускает. — Быстро.

— Я же твой брат, — он пожимает плечами. — Я должен быть полезен. Иначе за что ты меня кормишь?

Лоренцо качает головой, но в его глазах — одобрение. Маттео — трудный ребёнок, но когда надо, он справляется.

— Но теперь, когда мы всё решили, — брат уже направляется к двери, подмигивая мне, — я бы хотел хорошо провести время и проиграть все свои деньги. И твои заодно, если ты не против.

Я вздыхаю. Потому что с этим человеком спорить бесполезно.

— Иди уже, — говорю я. — Но если проиграешь казино, я тебя лично закопаю в саду.

— Справедливо, — он выскальзывает за дверь, и я слышу его довольный смех.

Мы выходим из моего кабинета по длинному тёмному коридору. Тут пахнет табачным дымом и чем-то ещё — воз-

можно, страхом. Или деньгами. Или и тем и другим.

Зал казино гудит, как растревоженный улей. Золото, хрусталь, зелёное сукно. Лица людей, которые слишком богаты, чтобы быть счастливыми, и слишком глупы, чтобы это понять.

Маттео исчезает почти сразу — минуту назад он был рядом, и вот его уже нет. Чёрт, этот парень способен испаряться быстрее, чем дым от сигареты. Я даже не удивлён. У него свой стиль — ворваться, всё разнести и исчезнуть, оставив после себя хаос и выигранные деньги.

Сегодня местный миллиардер решил порадовать нас своим присутствием. Шестой раз за неделю, а сегодня только четверг. Этот толстосум из Милана, который скупает всё, что не приколочено, и даже то, что приколочено, потому что у него есть отвёртка. Играет он плохо — ужасно, отвратительно, так, что даже моя бабушка, которая умерла тридцать лет назад, обыграла бы его в покер. Но я кто такой, чтобы отказывать ему в удовольствии?

Пусть проигрывает. Пусть чувствует себя большим игроком. Его деньги в любом случае осядут в моём кармане.

Я поворачиваюсь, чтобы пройти к барной стойке — промочить горло, прежде чем начинать вечер. И тут...

Передо мной стоит девушка.

Нет. Не так.

Передо мной стоит она.

Ей едва есть восемнадцать — я чувствую это за милю.

Нежные черты лица, аккуратные изгибы тела, пухлые губы. Она выглядит так, будто её вырезали из куска фарфора — хрупкая, светящаяся изнутри, почти нереальная в этом мире грязи и золота.

Знаете, что я подумал, когда увидел её?

«Если я сегодня её разобью — мне будет жаль».

Я заметил её сразу. Такую, как она, трудно не заметить. Утончённые черты лица, большие глаза — цвета неба, которое я видел только в детстве, до того, как всё пошло к чертям. Пухлые губы, которые она чуть надула, глядя куда-то в телефон. Длинные тёмные волосы, рассыпавшиеся по плечам.

Кукла.

Она безумно красива. Той опасной, неправильной красотой, от которой у нормальных мужчин подкашиваются колени, а у меня — чешутся руки. Я хочу подойти. Коснуться. Проверить, настоящая ли она. Или это просто галлюцинация, порождённая бессонницей и обилием виски.

Она сидит у бара, заказав Лонг Айленд — я заметил, потому что бармен готовит его по моему рецепту, который я лично придумал, когда мне было двадцать. Напиток такой же опасный, как и я сам — на первый взгляд безобидный, а потом ты уже лежишь под столом и молишься о пощаде.

Наблюдаю за ней. Как она потягивает коктейль, как морщит нос, когда он оказывается слишком крепким. Как набирает сообщения в телефоне, а потом раздражённо откладывает его, не дождавшись ответа. Как оглядывается по сторо-

нам, будто ищет кого-то — или проверяет, не следят ли за ней.

Я следую за ней взглядом, когда она направляется к выходу. Потом — назад к бару. Она явно потеряла свою подругу — ту рыжеволосую бестию, которая полчаса назад ушла с каким-то типом, похожим на неудачника.

И вот она одна.

Совсем одна в моём казино.

И что-то внутри меня — то самое, что я обычно запираю в стальной сейф и прячу в самом дальнем углу — начинает шевелиться.

«Не подходи», — говорит мне разум. «Она выглядит как проблемы. Проблемы с большой буквы П. Её волосы — это проблемы, её глаза — это проблемы, её губы — это, блядь, международный кризис».

Но разум в моём случае — плохой советчик. Потому что если бы я слушал разум, я бы сейчас сидел на Сицилии, выращивал оливки и молился в церкви. А не стоял бы в казино, в чёрном костюме, и не решал, стоит ли подойти к девушке, которая пахнет бедой.

Я решаю подойти.

И когда она разворачивается на стуле, встречаясь со мной взглядом — чёрт. Внутри происходит взрыв. Небольшой, но разрушительный. Она смотрит на меня так, будто я — пятно на её идеальной белой блузе. С вызовом. С ненавистью. С тем огнём, который я так люблю и так боюсь.

Она не боится. Это главное. Она даже не дрожит, хотя должна бы. Я нависаю над ней, как чёртова гора, а она сидит с таким видом, будто я — назойливая муха, которую пора прихлопнуть.

— Вы, вероятно, меня с кем-то перепутали, — говорит она на английском. Акцент — не американский, скорее восточноевропейский. Русская? Украинка? Откуда-то оттуда, где холодно и женщины красивые, но опасные. — Мы не знакомы, чтобы так меня трогать и так на меня смотреть.

— А как я на тебя смотрю, Кукла? — спрашиваю я.

«Кукла». Это прозвище вырывается само собой. Потому что она напоминает мне фарфоровую статуэтку, которую моя мать хранила в стеклянном шкафу. Трогать запрещено, смотреть — сколько угодно. Но я никогда не умел соблюдать запреты.

Она краснеет. Или злится — сложно понять. Её щёки заливают румянец, и это делает её ещё более живой, ещё более настоящей. Куклы не краснеют. Куклы не сжимают кулаки и не смотрят на мужчин так, будто готовы их убить голыми руками.

— Вы меня с кем-то перепутали, — повторяет она, пытаюсь отпихнуть мои руки.

Бесполезно. Я вешу в два раза больше, и моя сила — это не просто мышцы, это сила человека, который держал в руках оружие чаще, чем вилку. Но она пытается. И это чертовски сексуально.

«Одна тут?» — спрашиваю я, хотя ответ знаю и без её слов. Её подруга ушла, и теперь она предоставлена самой себе. Мне. Этому городу. Моему миру.

— Да, — говорит она, и в её голосе слышится вызов. — И уже ухожу. Спасибо за излишнее уделенное внимание к моей персоне. Но мне пора отправляться домой и отдаваться Морфею.

Я хмурюсь. Морфей? Что за...

— Муж твой? — спрашиваю я. Почему-то этот вопрос вызывает во мне странное чувство. Что-то похожее на ревность. Хотя с чего бы? Я знаю эту девушку пять минут.

— О да, — она улыбается. Саркастично, зло, так, что хочется её поцеловать. Или задушить. — Мой муж — Морфей. Очень ревнивый. И он бог. Так что если вы не хотите, чтобы вас превратили в статую из мрамора или, на худой конец, в барный табурет, я настоятельно рекомендую меня отпустить.

Я застываю на секунду. А потом до меня доходит.

Морфей — бог сна.

Чёрт.

Она надо мной смеётся.

Эта маленькая, хрупкая, чёрт возьми, великолепная девушка надо мной смеётся. Прямо в лицо. В моём собственном казино. При полном зале людей, которые разбегутся при одном моём взгляде.

Я отпускаю её.

Просто потому, что так надо. И потому, что внутри меня

происходит что-то странное — что-то, от чего я хочу улыбаться, как последний идиот.

— Если замужем, то почему кольцо не носишь? — спрашиваю я, когда она уже спрыгивает со стула.

— Расслабься, — бросает она через плечо. — Морфей — это бог сна. Пока-пока.

И уходит.

Вот так просто. Разворачивается и уходит. Даже не смотрит, иду ли я за ней. Даже не оборачивается.

И я, Данте Коста, глава клана, человек, которого боятся в трёх странах, иду за ней.

Как щенок.

Как последний, блядь, щенок.

Я останавливаю её у выхода. Она пыхтит от злости, и это так смешно, так по-детски, что я едва сдерживаю улыбку.

— Сыграешь со мной? — спрашиваю я.

— Пожалуй, нет, — она смотрит мне прямо в глаза. — Откажусь.

Сексуально. Боже, как же это сексуально.

— Мне правда пора идти, — говорит она, и её рука ложится мне на грудь. Я чувствую её пальцы — холодные, тонкие, дрожащие. — Правда.

Она лжёт. Я вижу это по её глазам. Она врёт так же плохо, как тот миллиардер играет в покер.

— Я не займу у тебя много времени, — говорю я, накло-

няясь ближе. — Просто сыграй со мной в партию покера.

Она колеблется. Я вижу это. Сомнение, страх, любопытство — всё мешается в её глазах.

— Ну хорошо, — сдаётся она. — Только денег у меня нет.

Ложь. Снова ложь. Я видел, как она играла раньше. Эта девушка — не просто любительница. Она профи. Настоящий, опасный игрок. И если она говорит, что у неё нет денег, значит, у неё есть целое состояние, которое она не хочет светить.

— Мы сыграем на желание, — говорю я.

Она замирает. На секунду мне кажется, что она передумает, развернётся и убежит. Но потом её глаза сужаются.

— Какое желание? — спрашивает она.

— Пока не знаю, — честно отвечаю я. — Есть мысли?

Она смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю чувствовать себя неловко. Что случается редко.

— Ладно, — говорит она. — Пошли.

Мы садимся за стол в дальней кабинке. Я смотрю, как она тасует карты — мастерски, профессионально, с той лёгкостью, которая приходит только с годами тренировок.

— Данте Коста, — представляюсь я. Без фамилии, без титулов. Просто имя. Почему-то мне не хочется её пугать. Пока.

— Виктория, — отвечает она, не поднимая глаз.

— Только Виктория? Без фамилии?

— А вам для чего? — она усмехается. — Проигрывать будете, а не в загс идти.

Острая. С язычком. Я люблю таких. Скучно, когда жертва сразу плывёт.

— Острая, — говорю я. — Я люблю, когда жертва сопротивляется. Скучно, когда сразу плывут.

— А вы, значит, хищник? — она поднимает голову, и в её глазах — вызов. — Данте Коста. Звучит как имя для героя дешёвого романа. Или для владельца прачечной, который решил, что он мафиози.

Я смеюсь. Внутри. Потому что эта девушка не знает, с кем разговаривает. Но она узнает.

— И то и другое, — отвечаю я. — Прачечная у меня действительно есть. В ней я отстирываю кровь таких наглых девушек.

Она не боится. Даже не вздрагивает.

— Очаровательно, — говорит она. — Давайте играть, или вы так и будете пугать меня семейным бизнесом?

Игра начинается.

Она играет хорошо. Чёрт возьми, она играет великолепно. Я вижу, как она считает карты, как просчитывает ходы, как читает меня — или, по крайней мере, пытается. И у неё почти получается.

Я блефую. Она разоблачает. Я поднимаю ставки — она уравнивает. Мы играем как два противника, которые знают о покере всё, но при этом каждый уверен в своей победе.

На четвёртой карте я понимаю, что у неё не просто хорошая комбинация. У неё — флеш-рояль. Самая редкая, самая красивая, самая непобедимая рука в покере.

Я проиграл.

Не из-за карт. Из-за того, что отвлёкся. Смотрел на неё, а не на стол.

Идиот.

— Ва-банк, — говорю я, пододвигая все фишки.

Она наклоняется ко мне через стол. Её лицо в сантиметрах от моего. Я чувствую запах её волос — цветы и что-то сладкое. Ваниль? Или это коктейль?

— Ты знаешь, Данте, — говорит она, — в моём языке нет слова «трепать». Есть слово «выигрывать». И ты сейчас его выучишь.

И тут...

Грохот.

Двери казино вылетают вместе с петлями, и в зал врываются четверо в масках. С автоматами. С криками. С выстрелами в потолок.

«Грабители», — думаю я. — «В моём казино. Серьёзно?»

Первый выстрел разбивает хрустальную люстру. Второй — срывает со стены картину, которую мне подарил Маттео. Третий — уходит в потолок, осыпая нас штукатуркой.

Люди кричат. Падают на пол. Кто-то плачет.

А я? Что делаю я?

Я смотрю на неё.

Виктория сидит, сжимая в руках карты. Её глаза широко раскрыты, губы приоткрыты. Она напугана — я вижу это по тому, как дрожат её пальцы. Но она не кричит. Не плачет. Не пытается спрятаться под стол.

Она смотрит на меня.

И в её взгляде — не страх. Вопрос. «И что теперь?»

Я не думаю.

Перелетаю через стол — благо, делал это тысячу раз на тренировках, когда Маттео пытался меня убить пластиковыми картами. Карты взлетают в воздух, как белые птицы. Я сбиваю её со стула, накрываю своим телом, уворачиваясь от пуль.

Она пахнет страхом. И всё той же ванилью.

— Твою мать, — выдыхает она в мою грудь.

— Заткнись, — шепчу я ей в волосы. — Не двигайся. И не смотри.

Она маленькая. Такая маленькая подо мной. Я чувствую, как бьётся её сердце — быстро, испуганно, но ровно. Она не впадает в истерику. Не пытается вырваться. Она просто лежит, прижавшись ко мне, и верит.

Верит мне.

Странно, да? Мы знакомы всего полчаса. Она меня ненавидит. Я её — не знаю. Но она лежит в моих руках и верит, что я её спасу.

— Данте, — шепчет она, и я чувствую её губы у моей шеи.

— У меня флеш-рояль.

Я застываю.

Эта девушка. В казино. Под пулями. С грабителями, которые сейчас выносят сейфы. И она думает о покере?

— Серьёзно? — спрашиваю я.

— Абсолютно, — она улыбается. Я чувствую эту улыбку — она касается моей кожи, как солнечный свет. — Ты проиграл бы.

— Нет, — отвечаю я, хотя знаю, что она права. — Игра не окончена. Я никогда не проигрываю, Виктория.

— Да у тебя была всего одна комбинация до победы, — не унимается она. — Как и у меня. Ты бы проиграл.

— Дорогая, — шепчу я, прижимая её сильнее, потому что пуля только что просвистела в сантиметре от моей головы. — Если бы ты знала, какие карты я держал, ты бы поняла: ты никогда не должна была выиграть. Но сейчас не об этом.

Осколок стекла вонзается в стену рядом с моим плечом. Я не двигаюсь. Не потому что мне не больно — потому что если я упаду, она умрёт.

— А о чём сейчас, Данте? — спрашивает она, и в её голосе дрожь.

— О том, что желание победителя — закон, — я чувствую её пульс. Быстрый, как у загнанной птицы. — А я пока не победил. Потому что ты жива. А значит, мы ещё сыграем.

Потом грохот становится громче. Грабители собираются уходить. Время на исходе.

Я мог бы их остановить. У меня в кабинете сейф с ору-

жем. У меня охрана в соседней комнате. У меня Маттео, который, кстати, где-то шляется. Я мог бы устроить им ад.

Но я не двигаюсь.

Потому что подо мной — она. И если я её отпущу, чтобы взять пистолет — она может пострадать.

И ради неё, этой наглой, острой, великолепной девушки с флеш-роялем в руках, я готов позволить этим ублюдкам уйти.

— Что теперь? — спрашивает она.

— Ты можешь помолчать? — я уже на пределе. Адреналин зашкаливает. Хочется кричать. Хочется убивать.

— Ну уж нет, — она пытается отпихнуть меня. Смешно. Бесплезно. Но мило. — У тебя не получится меня заткнуть.

— Вот и проверим, — говорю я.

И достаю шприц.

Медицинский. С быстродействующим снотворным. Ношу с собой по старой привычке — иногда приходится умирять слишком буйных клиентов.

— Что ты делаешь? — её голос уже заплетается.

— Спи, Кукла, — шепчу я, вводя иглу в её тонкую шею.
— Я нашёл тебя. Теперь ты моя.

— Не-а, — пытается сказать она, но слова уже не слышатся. — Я не... твоя. Я вообще... ничья...

Её глаза закрываются. Тело расслабляется. Она падает в мои руки — хрупкая, беззащитная, слишком красивая, чтобы быть настоящей.

Я поднимаю её на руки — она весит меньше, чем ящик с патронами. И направляюсь к выходу.

Охрана уже разобралась с грабителями — я слышу крики, выстрелы, топот ног. Маттео, наверное, в восторге — наконец-то веселье.

Но мне плевать.

Я смотрю на неё.

На её лицо — спокойное, почти детское во сне.

На её губы — чуть приоткрытые, будто она хочет что-то сказать.

На её руки — которые до сих пор сжимают карту.

Дама червей.

— Виктория, — шепчу я, выходя в ночь. — Ты даже не представляешь, во что вляпалась.

Впереди — мой дом. Моя территория. Мои правила.

И она будет по ним играть.

Нравится ей это или нет.

А она будет сопротивляться. Я знаю. Я чувствую. Эта де-вушка не сдаётся. Она борется, даже когда проигрывает.

Но я никогда не проигрываю.

Я — Данте Коста. Глава клана.

И она — моя.

Хочет она этого или нет.

Глава 5. Виктория

Я проснулась из-за ощущения, что на меня кто-то пристально смотрит.

Знаете это чувство, когда ты ещё не открыла глаза, но уже знаешь: ты не одна. Какая-то древняя, животная часть мозга, доставшаяся нам в наследство от пещерных предков, которые боялись саблезубых тигров, вдруг просыпается и орёт: «Опасность! Хищник! Валим!»

В связи с последними событиями я не особо хочу открывать глаза. Просто лежу с закрытыми веками, чувствуя, как по спине ползёт холодок. Я молюсь всем богам, которых знаю, и даже тем, о существовании которых только догадываюсь — Зевсу, Одину, Ктулху, на всякий случай. Лишь бы это было не то, о чём я думаю.

«Пожалуйста, — мысленно взываю я. — Пожалуйста, пусть это будет Лиза с её идиотскими шутками. Пусть это будет горничная, пришедшая сменить полотенца. Пусть это будет чёртов сантехник с ключами наперевес. Только не этот чёрный взгляд, не этот запах дорогого одеколona и опасности...»

Сомневаюсь, что сейчас я открою глаза и увижу свою комнату в Москве. Слишком уж далеко я от неё — и физически, и ментально. Хотя тут даже стоит задуматься: что лучше? Родительский дом, где меня считают товаром, или отель в

Риме, где меня, возможно, считают лёгкой добычей?

— Вик, ты спишь?

Я резко открываю глаза и моргаю, пытаюсь разогнать пелену перед глазами. Голос — не низкий, бархатный, с итальянским акцентом. А свой, родной, Лизкин — звонкий, как колокольчик, который разбудил полдеревни на рассвете.

Когда пелена окончательно рассеивается, я оглядываюсь. Потолок с лепниной. Тяжёлые портьеры цвета бургунди. Вид на римские крыши, который мы оплатили на всю неделю. Наш номер. Наш отель. Наша кровать, на которой я валяюсь в одной рубашке (чужой? судя по размеру и крою, похоже, что да) и с утратой памяти масштаба «я только что окончила колледж и не помню ни одного экзамена».

Никого, кроме Лизы, нет. Она сидит на моей тумбочке — сидит, блин, на моей тумбочке, как будто это её законное место, — и крутит локоны на пальцах, болтая ногами. Выглядит она при этом так, будто вчера выспалась, наелась и выиграла в лотерею.

— Как я оказалась тут? — хриплю я. Голос звучит, будто я проглотила наждачку.

— Ну ты и надралась, подруга, — показательно закатывает глаза Лиза. — Тебя привёз какой-то сексуальный красавчик. Ну как привёз — принёс. Ты вообще на ногах не стояла.

Я медленно сажусь на кровати. Голова раскалывается так, будто внутри поселился оркестр, который решил отрепетировать увертюру к «Вильгельму Теллю». Перед глазами всё

плывёт.

— Что? — переспрашиваю я, надеясь, что мне послышалось.

— Я то переживала, думала: «Как же так, оставила свою любимую кошечку одну?» А ты, оказывается, сразу себе мужика нашла. Молодец!

Лиза одобрительно кивает, и я вижу, что она абсолютно серьёзна.

— О да, — я растираю виски, пытаюсь собрать в кучу рассыпающиеся воспоминания. — Такой экспириенс я больше не переживу. Спасибо тебе огромное. Ты даже не представляешь, как я ценю твою заботу.

Я отбрасываю одеяло и... замираю.

На мне нет даже нижнего белья.

В прямом смысле. Совсем. Нет лифчика. Нет трусиков. Только одна мужская рубашка — белая, шёлковая, явно не моя — которая доходит до середины бедра и больше напоминает пыточное орудие, чем одежду. Потому что где я её взяла? Когда? И самое главное — КАК?

— А это что? — я показываю на рубашку пальцем, стараясь не паниковать. Пока.

— Ой, это вообще приколы, — Лиза спрыгивает с тумбочки и плюхается рядом на кровать, поджимая под себя ноги. Глаза у неё горят таким предвкушением, будто она собирается рассказывать самое сочное сплетничающее тысячелетия.

— Подробнее, — требую я.

— Ты начала раздеваться прям перед этим мужиком. Представляешь? — она хлопает себя по коленке. — Ещё в лифте. Я говорю: «Вика, ты чего?» А ты мне: «Жарко, Лиз, отстань». И снимаешь платье. И лифчик. И трусы. Он тебя на руках нёс, а ты просто вся такая «свобода!».

Я закрываю лицо ладонями.

— Не переживай, кошечка, — Лиза гладит меня по плечу. — Он тебя даже не увидел. Ну, почти. Он успела накинуть на тебя свою рубашку. Но он тебя так нёс... Я думаю, что важные части тела он уже потрогал. Волей-неволей.

Я молчу.

Просто сижу и смотрю в стену.

Потому что если я начну говорить, я, вероятно, закричу. Или засмеюсь. Или то и другое одновременно — что будет выглядеть ещё более безумно.

С одной стороны — ладно, с кем не бывает. Ну, напилась, ну, разделась, ну, потеряла память. Бывало и хуже. Одна моя знакомая в Праге проснулась в клумбе с живым карпом в руках и без левого ботинка. Так что моя ситуация — ещё цветочки.

Но если учитывать подробности нашего знакомства... То, что он мне что-то вколол, чтобы я замолчала... Чёрт, он мне что-то вколол! Шприц! В мою шею! Псих! А если он воспользовался моим состоянием? Пока я была в отключке? Что, если этот итальянский медведь...

— Мне надо срочно в больницу! — я подскакиваю на ноги

так резко, что комната делает кульбит. Хватаюсь руками за голову и начинаю её сжимать. Ха, как будто это может избавить меня от проблем. Чудесный план. — В больницу, Лиз! Срочно!

— Чего? — Лиза выгибает брови и подходит ко мне ближе, разглядывая моё тело с таким вниманием, будто она врач-гинеколог на профосмотре. — Это ещё зачем?

— Лиза! — я начинаю трясти её за плечи, надеясь, что сила моего отчаяния передастся ей через тактильный контакт. — Я его не знаю! Совсем! А если он что-то сделал со мной, пока я была в отключке? Наркотики? Органы? Хуже?

— Хуже? — она хмурится.

— Беременность, Лиз! — шиплю я. — Венерические заболевания! Травмы!

— Ой, — она отмахивается от меня, как от назойливой мухи. — Успокойся. Я его пробила.

— Что значит «пробила»?

— Ну, — она пожимает плечами, — «пробила» по своим каналам. Обычный бизнесмен. Итальянец, между прочим. У него казино по всей стране. Оружейный бизнес. Ну, ладно, не совсем обычный. Но и не маньяк. Да и твои передвижения я видела по Локатору.

Я выдыхаю. Так выдыхают, наверное, приговорённые к смерти, которым в последний момент сообщили о помиловании.

— Что ещё про него узнала? — спрашиваю я, садясь на

кровать. Ноги подкашиваются.

Лиза садится рядом и кладёт свои руки мне на колени. В её глазах — торжество. Она ждала этого вопроса.

— Знала, что ты заинтересуешься, — подруга довольно улыбается. — Он какая-то крутая шишка. Рядом с ним я не увидела ни одной женщины. Представляешь? Ни одной! Ему тридцать лет, и он не женат!

— Удивительно, — я закатываю глаза. — Такой красивый, богатый — и один. Может, потому что он псих? Или импотент? Или ему нравятся мужчины?

— Вика! — Лиза шлёпает меня по руке. — Не будь циничной. Может, он просто ждал тебя.

— Или собирает коллекцию русских наивных дурочек в разных городах, — парирую я, вставая и направляясь к ванной. — Рим у него уже есть. Может, следующая будет в Париже.

— Ты невыносима! — кричит мне вслед Лиза.

— Я такая, какая есть, — отвечаю я, закрывая дверь ванной.

Плеснув в лицо холодной водой, я смотрю на своё отражение. Бледная, растрёпанная, с синяками под глазами. Но живая. И, кажется, в полном комплекте.

«Данте Коста, — думаю я, крутя в голове его имя. — Ты, чёртов итальянец, либо самый опасный человек на моём пути, либо... либо самое интересное, что со мной случилось».

Я выбираю первое.

Это безопаснее.

Сегодня мы решили просто прогуляться по улочкам Рима. Без происшествий. Без новых приключений. Без итальянских мафиози, которые вкалывают девушкам снотворное и уносят их в неизвестном направлении.

План был идеален. До того момента, пока мы не зашли в кафе выпить кофе.

Рим встретил нас солнцем, которое, кажется, светило ярче, чем вчера. Или это у меня похмелье усиливает восприятие? Узкие улочки, выложенные брусчаткой, по которой когда-то ходили легионеры и колесницы. Старые здания с выцветшими фресками, увитые плющом балконы, крошечные лавки, где продают всё — от антиквариата до свежей моцареллы.

Воздух пах хлебом, кофе, цветами и тысячелетиями истории, которая, кажется, пропитала каждый камень. Итальянцы говорят громко, жестикулируют так, будто от этого зависит их жизнь, и улыбаются даже тогда, когда ругаются. Это удивительная страна. И я начинаю понимать, почему люди влюбляются в неё с первого взгляда.

Мы садимся за свободный столик на улице, в тени большого зонтика. Я копаюсь в своей сумке в поисках телефона — хочу сделать фото этого идеального мгновения: чашка эспрессо, круассан, Лиза с её вечным недовольством, если что-то идёт не по плану.

Но телефона нет.

Я роюсь ещё раз. Потом ещё. Потом вытряхиваю содержимое сумки на стол — помада, ключи, перцовый баллончик, тот самый складной нож (да, я его ношу с собой), кошелёк, горсть монет, какие-то чеки — но телефона нет.

— Похоже, из-за похмелья я оставила телефон в номере, — бормочу я, собирая вещи обратно. — Собственно, как и мозги.

— Ты только сейчас поняла? — Лиза заказывает у подошедшего официанта капучино и круассан. — Я думала, ты заметила это ещё когда проснулась в чужой рубашке.

— Я была занята паникой, — огрызаюсь я. — Не до телефона было.

Официант — молодой парень с обаятельной улыбкой, которая, кажется, входит в стандартное меню всех римских кафе — записывает заказ и исчезает.

Я смотрю на улицу, наблюдая за прохожими. Туристы с картами. Местные жители, которые спешат по своим делам. Старушка в цветастом платье, которая тащит тележку для продуктов. Полицейский, который лениво потягивает кофе у соседнего столика.

И думаю.

Прошло уже два дня, как я ушла из дома. Два дня, как я ничего не сказала родителям. Очевидно, что они меня ищут. По крайней мере, так должно быть, если верить стандартной схеме. Но не понятно лишь одно: почему они не пытаются

со мной связаться?

Даже если они злы — а в том, что отец зол, я не сомневаюсь ни секунды — они могли бы написать. Позвонить. Прислать сообщение с угрозами. Игнорирование — не их стиль.

Вероятнее всего, отец запретил матери со мной общаться. Это очень похоже на него. В тот вечер я опозорила его. Тем, что не пришла на эти смотрины. Тем, что сбежала, как трусливая крыса. Тем, что предпочла неизвестность — его планам.

В нашей семье чёткие законы. Железные. Мы должны слушаться отца и делать всё, что он скажет. Он ведь глава семьи. Он — глава Центральной России, если уж называть вещи своими именами. И если его братва узнает, что его единственная дочь сбежала, сбежала, как последняя дура, бросив жениха и опозорив семью — он потеряет авторитет в кратчайшие сроки.

А авторитет для него — это всё.

Просто даже странно как-то это всё. Ни сообщений, ни звонков. Ни гневных, ни умоляющих. Тишина.

Это всё больше вгоняет меня в тревожное состояние.

Я очнулась от своих мыслей от множества повторений моего имени.

— Вика! — Лиза щёлкает пальцами у моего лица. — Прием? Земля вызывает Вику? Что ты будешь?

Официант стоит рядом, терпеливо ожидая, с ручкой наготове. Я смотрю на него, потом на меню, потом снова на Лизу.

— Лиз, ты можешь дать мне телефон? — прошу я. — Я свой, похоже, оставила в номере.

Она молча подаёт мне свой телефон — розовый в чехле со стразами, такой Лизкин, что даже комментировать не хочется — и смотрит обратно в меню, будто это вопрос жизни и смерти.

Я открываю браузер.

Новости за прошедшие два дня.

Москва.

Криминальная хроника.

Ни одной строчки. Ни одного упоминания о том, что дочь криминального авторитета пропала. Ни ориентировок, ни сообщений о поисках, ни даже слухов.

Тишина.

Гробовая.

И тут стоит задуматься: что вообще происходит? Они поднимали панику, когда я не приходила домой вовремя после лица. Помню тот день: я задержалась на сорок минут — просто зашла в книжный магазин, листая «Мастера и Маргариту», которую и так знала наизусть. Через час после моего возвращения домой, папа уже подключил своих солдат. Я видела эти машины у дома, видела людей в чёрном, которые прочёсывали район. Меня потом допрашивали — куда ходила, с кем разговаривала, что видела.

Сорок минут.

А тут — два дня.

Полная, абсолютная тишина.

Всё-таки придётся сегодня писать маме. Как бы сильно мне этого ни хотелось. Как бы ни отвратительно было чувство, что я сдаюсь первой. Но неизвестность хуже любого наказания.

Официант приносит наш завтрак. Лиза с энтузиазмом набрасывается на круассан, а я смотрю на свою тарелку и понимаю: мне совсем ничего не хочется. Я бы не назвала себя сильно тревожным человеком — скорее, я мастер спорта по подавлению эмоций и выстраиванию стен — но, блин, так резко выходить из зоны комфорта для меня даже слишком.

Рим, итальянские мафиози, исчезновение связи с семьёй, ночи в отелях и утра в чужих рубашках — это не моя жизнь. Моя жизнь была предсказуемой. Скучной. Безопасной.

Эта — не безопасна. Совсем.

— Вик, ты только не переживай, — Лиза отвлекается от своего сэндвича и смотрит на меня большими, невинными глазами.

— Твою мать... — я берусь руками за голову и закрываю глаза. — Это то, что я думаю?

— Если я не ошибаюсь, — Лизкин голос становится подозрительно радостным, — к нашему столику сейчас идёт твой сексуальный Данте Коста и его не менее сексуальный друг. По-моему, мы даже с ним знакомы.

Я открываю глаза.

Медленно. С замиранием сердца. Потому что знаю — сей-

час этот момент решит всё. Либо я сохранию остатки самообладания, либо окончательно превращусь в паникующую истеричку, которая сбегает из-за столика, оставляя круассан недоеденным.

К нашему столику действительно подходят двое.

Данте — впереди.

Он в чёрном костюме, но без галстука, рубашка расстегнута на две пуговицы, открывая загорелую шею и намёк на мускулы. Волосы чуть влажные — будто он только что вышел из душа. Солнце падает на его лицо, высвечивая острые скулы и ту самую родинку, о которой Лиза, кажется, уже успела рассказать всем известным богам.

За ним — другой мужчина. Чуть ниже, но такой же широкоплечий. Тоже в чёрном. Тоже с расстёгнутой рубашкой. Тёмные кудрявые волосы, оливковая кожа, глаза, которые, кажется, смеются даже тогда, когда их обладатель серьёзен.

Маттео. Тот самый друг. Или брат? Уж очень они похожи.

Лиза права — они оба чертовски привлекательны. Но сейчас меня волнует не это. Сейчас меня волнует, что они нашли нас. Снова. В кафе, где мы ни разу не были. В районе, куда забрели случайно.

Это не совпадение.

Это слезка.

— Молодые люди, — я поворачиваюсь к ним, натягиваю на лицо самую сладкую, самую идиотскую улыбку, которая только есть в моём арсенале, и начинаю хлопать ресницами,

как тупая курица, которую вот-вот зарежут. — Мы знакомы?

Данте останавливается напротив меня. Смотрит сверху вниз — с высоты своего роста, с высоты своей уверенности, с высоты того факта, что он знает: я вру. Я прекрасно его помню.

— Скажем так, — он говорит по-английски, с акцентом, который делает каждое слово почти неприличным, — мы имели тесный телесный контакт.

Лиза и Маттео тихо смеются. Вот как. Смешно значит? Моя потенциальная гибель от рук итальянского мафиози — это повод для шуток?

— Да? — я продолжаю улыбаться, чувствуя, как у меня сводит скулы. — Ну, может быть. Не помню. Так чего хотели?

Данте садится на свободный стул, даже не спросив разрешения. Маттео следует его примеру, плюхаясь рядом с Лизой, которая, я замечаю, уже успела одёрнуть платье и поправить волосы.

— Позвать вас с Елизаветой Андреевной сегодня в ресторан, — говорит Данте, не сводя с меня глаз. — Обещаю, что сегодня набрасываться на тебя сверху я не буду.

Последние слова он произносит шёпотом, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую запах его одеколона — древесный, свежий, опасный. Тот самый, который запомнился мне ещё в казино.

— Я пожалуй откажусь, спасибо, — говорю я, поднимаясь

со стула. — Лиза, нам пора, вставай.

Я поспешно расправляю юбку — длинную, льняную, которую, надевая сегодня утром, считала «достаточно скромной», чтобы не привлекать внимание. Потягиваюсь за сумочкой, висящей на спинке стула.

И в этот момент он хватает меня за запястье.

Крепко. Настойчиво. Не больно — но так, что я понимаю: отпустить он меня не собирается. По крайней мере, пока не скажет всё, что хочет.

— Мы ещё не доиграли, Белла, — говорит Данте, поднимаясь из-за стола. Он по-прежнему держит меня за руку. — Я не люблю не доводить дело до конца. Жду вас сегодня с подругой в ресторане «Альба Дората». В десять вечера.

Мужчины бросают на нас свои мрачные взгляды — на мгновение мне кажется, что они сейчас достанут пистолеты и начнут стрелять. Но нет. Маттео кивает Лизе, та отвечает ему улыбкой, в которой, кажется, читается «приходи сегодня, не пожалеешь». Данте ещё раз сжимает моё запястье — коротко, почти извиняясь — и разворачивается.

Они уходят, не оглядываясь.

Я смотрю им вслед, чувствуя, как в груди разгорается пожар. Страх? Злость? Любопытство? Трудно сказать. Возможно, всё вместе.

Интересно, конечно. Сомневаюсь, что они заезжали сюда на бизнес-ланч и по невероятно счастливой случайности встретили нас. Связываться с итальянскими бандитами у ме-

ня нет ни малейшего желания. Поэтому, естественно, мы никуда не идём.

Осталось убедить в этом Лизу.

Я поворачиваюсь к ней, открываю рот, чтобы сказать что-то решительное и окончательное, но... замолкаю.

Потому что, глядя на её лицо, я начинаю осознавать: всё моё мнение по этому поводу ей абсолютно не интересно.

— Вика, — она поднимает палец, угрожающе блестя красным лаком. — Не смей говорить, что этой ночью мы будем тухнуть в номере отеля под твои сопливые мысли о будущем и смотреть отвратительные фильмы про неземную любовь. Даже не смей мне такое говорить!

— Ты всё правильно поняла, — сажусь обратно за столик, потому что ноги меня не держат. — Мы никуда не идём. И точка.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — она загадочно улыбается и откусывает кусок круассана.

Я вздыхаю. Потому что с этим человеком спорить бесполезно. И потому что в глубине души — на самой тёмной, самой запретной её части — мне самой интересно, что будет дальше.

Но я никогда в этом не признаюсь. Даже под пытками. Даже если Данте Коста лично вколет мне очередную дозу снотворного.

Вернувшись в номер, я скинула босоножки прямо у по-

рога и рухнула на кровать лицом вниз, издав глухой стон в подушку.

Отель был шикарным — итальянское барокко, тяжёлые портьеры, вид на крыши Рима, который открывался из огромного окна. Но сейчас эти стены давили на меня, как крышка гроба. Как витрина. Как клетка.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок.

— Ты драматизируешь, — раздался спокойный голос Лизы из ванной. Она уже всюду рылась в косметичке, раскладывая на столике баночки с таким видом, будто готовилась к священному таинству. Ну, или к свиданию с итальянским мафиози. Хотя какая разница?

— Драматизирую? — я приподнялась на локтях. — Лиза, этот тип вломился в наш обеденный перерыв, как чёртов Джон Уик, только в более дорогом костюме, и сообщил, что мы «не доиграли». Не знаю, как тебе, а мне в его исполнении это выражение показалось угрожающе двусмысленным.

— Ой, Вик, — Лиза выплыла из ванной, уже без пиджака, в одной блузке, и принялась крутиться перед зеркалом, оценивая своё отражение. — Ты слышала, что он сказал? «Сегодня набрасываться не буду». Это же почти джентльменское соглашение. А во что вы, кстати, не доиграли?

— В покер. И «почти» не считается! — я села на кровати и запустила пальцы в волосы, которые после сегодняшнего стресса чувствовали себя так, будто я расчёсывала их в ураган. — Ты вообще видела его глаза? Там нет ни капли

джентльменства. Там — чёрная бездна и обещание неприятностей. Это не то, что мне нужно. Совсем не то!

Она повернулась ко мне с торжествующей улыбкой:

— Или обещание очень приятных неприятностей. Не путай, дорогая.

Я закатила глаза. Настолько сильно, что они чуть не выкатились из орбит и не укатились под кровать искать мою утраченную душевную стабильность.

— Лиза, давай пройдемся по фактам. Факт номер один: Данте Коста — итальянец. Факт номер два: он связан с криминалом. Я, конечно, не могу этого доказать, но, чёрт возьми, нормальные люди не одеваются так, как он. Факт номер три: он узнал меня и уже успел подкараулить в кафе, где мы были первый раз за эту поездку. Это не совпадение, это слежка. Мне это нравится примерно так же, как зубная боль.

— А мне нравится, — она пожала плечами и взяла с тумбочки своё любимое бордовое платье, которое, я готова была поклясться, она везла в Рим именно для такого случая. — Ты видела его друга? Тот брюнет с родинкой над губой? Я его узнала. Это Маттео Роси. Мы пересекались в Милане два года назад на корпоративе. Он ювелир. Или делает вид. Но какая разница?

— Ты с ума сошла, — констатировала я очевидное. — Мы приехали в Рим на неделю, чтобы отдохнуть, а не чтобы засветиться в вечерних новостях как «две русские туристки, пропавшие при загадочных обстоятельствах». Этого родите-

ли мне точно не простят.

Лиза посмотрела на меня с жалостью. Эту жалость я знала — она появлялась всякий раз, когда я отказывалась от приключений в пользу благоразумия. Спойлер: благоразумие никогда не приводило меня ни к чему хорошему. Только к вечным ссорам с родителями, домашним арестам и чувству, что жизнь проходит мимо.

— Виктория, — она села рядом и взяла меня за руку. Серьёзно, по-матерински. — Ты сколько не была в отношениях? Давай я тебе напомним. Никогда! Я никогда не видела тебя с парнем!

— Это не отношения, это заложничество по приглашению!

— Не уходи от вопроса. Почему у тебя никого не было? Я промолчала.

Потому что она не поймёт. Её семья тоже обеспеченная, но у них нет таких порядков, как у меня. Отец Лизы — бизнесмен, но он не диктует дочери, с кем спать, с кем встречаться, за кого замуж идти. Её мать — домохозяйка, но она не проверяет телефон Лизы каждый вечер. Они — нормальная семья.

А я — нет.

Я пыталась объяснить Лизе много раз. Рассказывала про порядки, про правила, про то, что моя жизнь никогда не принадлежала мне. Но она качала головой и говорила: «Ты преувеличиваешь. Твои родители просто заботятся о тебе».

Они не заботятся.

Они владеют.

Я выстраивала вокруг себя бетонную стену, через которую ни один мужчина не перепрыгнул бы. Даже на реактивном ранце. И стена работала отлично. Я была спокойна, предсказуема и совершенно, абсолютно, клинически несчастна. Но хотя бы безопасна.

— Вот именно, — Лиза победно кивнула, как будто прочитала мои мысли. — А теперь представь: итальянец в идеальном костюме, который смотрит на тебя так, будто ты — его личный клубничный чизкейк, а всё остальное — пустая тарелка. Ты действительно хочешь просидеть этот вечер в номере, пересматривая «Дневник памяти» и плача в подушку?

— Я не плачу в подушку, — огрызнулась я. — Я громко сморкаюсь.

— Тем более. Давай, Вик. Один вечер. Один ужин. Если что-то пойдёт не так — у меня в сумочке перцовый баллончик, а ты, я знаю, умеешь больно бить каблуком.

Я посмотрела на неё. Она смотрела на меня. В её глазах горел тот самый авантюрный огонь, который когда-то привёл нас к ночным похождениям по стройкам и однажды — к отделению полиции. Разница была лишь в том, что тогда у нас не было итальянцев в дорогих костюмах.

— «Альба Дората», — медленно произнесла я, пробуя название на вкус. — «Золотой рассвет». Звучит как начало

плохого любовного романа.

— Или хорошего, — парировала Лиза.

Я вздохнула так глубоко, что, кажется, втянула в лёгкие всю римскую пыль, включая ту, что осела на куполах собора Святого Петра. Потом села прямо, одёрнула свою футболку и сказала:

— У меня нет платья. У меня было только одно. И в старом, которое он видел, я не пойду.

Лиза улыбнулась такой лучезарной улыбкой, что стало страшно. Не за себя. За Данте.

— Милая, — она подошла к шкафу, который я даже не открывала после заселения, и извлекла оттуда платье в чёрном чехле. — Я взяла на двоих.

Я уставилась на чехол. Потом на неё.

— Ты планировала это с самого начала, да?

— С того момента, как ты сказала «поехали в Рим, там хотя бы никто не знает моего имени», — она расстегнула молнию и вытащила платье.

Тёмно-зелёное. Длинное. С открытой спиной и разрезом, который начинался там, где заканчивалась всякая надежда на приличие. Шёлк струился в её руках, как вода, и казался живым.

— В этом городе тебя теперь знают, — Лиза смотрела на платье с видом художника, который только что закончил шедевр. — Имя, запах, цвет глаз, и даже то, как ты хмуришься, когда пьёшь кофе.

— Ты невыносима, — сказала я беззлобно.

— Знаю. А теперь мойся, красимся и выдвигаемся. У нас два часа на превращение тебя из боящейся жизни девочки в роковую женщину, которая не даст итальянским бандитам уснуть спокойно.

— Я думала, цель — чтобы они уснули спокойно, а мы уехали живыми.

— Вика, — Лиза уже стягивала с меня футболку, не спрашивая разрешения. — С таким Данте никто не спит спокойно. И уж точно не ты.

Я закрыла глаза и сдалась.

Потому что в глубине души — на самом дне, где все мои «я не пойду» и «это плохая идея» гнили как неубранные яблоки — мне самой было чёртовски интересно, чем всё это кончится.

К десяти вечера я стояла перед зеркалом в том самом зелёном платье и не узнавала себя.

Лиза сделала макияж с акцентом на глаза — дымчатый, опасный, такой, что хотелось самой себе сказать «отойди, девушка, я могу быть опасна». Волосы лежали крупными волнами, падая на голые плечи. Каблуки — чёрные лодочки на одиннадцати сантиметрах. Оружие массового поражения.

— Вылитая Моника Беллуччи в молодости, — сказала Лиза, поправляя свои серьги. Сама она выбрала чёрное платье, короткое и облегающее, как вторая кожа. — Маттео упа-

дёт со стула.

— Главное, чтобы не на меня, — пробормотала я, беря сумочку.

Туда я положила телефон (на этот раз не забыла), паспорт, зарядку (мало ли), перцовый баллончик и маленький складной нож, который купила на рынке после встречи с Данте. На всякий случай.

— Ты серьёзно? — Лиза заглянула в мою сумочку. — Нож?

— Самый цивилизованный способ сказать «отвали», — я пожалала плечами. — Не беспокойся, я умею им пользоваться. Кулинарные курсы не прошли даром.

Мы вышли из отеля ровно в 21:55.

Рим вечером был прекрасен. Тёплый воздух пах хлебом и цветами — жасмином и розами, которые росли на балконах каждого второго дома. Фонари горели мягким янтарным светом, отражаясь в брусчатке, влажной после недавнего дождя. Где-то играл уличный музыкант — негромко, на скрипке, выводя мелодию, которая, казалось, была здесь всегда, с самого основания города.

И весь город, казалось, замер в ожидании какого-то чуда. Или катастрофы.

Я склонялась ко второму.

Ресторан «Альба Дората» находился в старом палаццо на набережной. Когда мы подошли ко входу, швейцар в ливрее с золотыми пуговицами поклонился нам так низко, что я ис-

пугалась, не сломается ли он пополам.

— Синьорины, вас ожидают, — сказал он на идеальном английском и распахнул перед нами тяжёлые дубовые двери.

Внутри всё сияло. Хрусталь на люстрах, свечи в серебряных подсвечниках, белые скатерти, итальянская музыка, которая звучала так, будто её исполняли прямо у тебя в душе — негромко, проникновенно, с той особой ноткой меланхолии, которая бывает только у итальянцев.

Нас провели в отдельный зал — не главный, а боковой, уютный, с видом на реку Арно. Из окон открывался вид на старый мост, освещённый огнями, и на тёмную воду, в которой отражались звёзды и фонари.

За столом уже сидели двое.

Данте поднялся первым.

Он сменил костюм. Теперь на нём был тёмно-синий, почти чёрный, с идеальной посадкой — такой, что, казалось, костюм шит специально для него, по индивидуальным меркам, мастером, который передавал своё искусство из поколения в поколение. Без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки, открывавшей шею и ключицы.

Волосы чуть влажные, будто он только что вышел из душа. Глаза — те же самые: чёрные, непроницаемые, с иронией, которую он даже не пытался скрыть.

— Белла, — он сделал шаг ко мне, и я снова почувствовала этот запах. Дорогой одеколон, табак, что-то древесное и ещё — что-то неуловимо его собственное, от чего у меня

внутри всё переворачивалось. — Я знал, что ты придёшь.

— Я пришла, потому что здесь кормят, — ответила я, поднимая подбородок. — А не потому, что ты меня позвал. Не путай причину и следствие.

Он усмехнулся. И эта усмешка — лёгкая, опасная, почти хищная — заставила меня пожалеть, что я оставила нож в сумочке, а не примотала его к бедру под платьем.

— Конечно, — сказал он мягко, беря мою руку и поднося к губам. — Я и не сомневался, что тобой движет исключительно гастрономический интерес.

Его губы коснулись моей кожи — коротко, почти невесомо, но по руке разлился такой жар, будто меня ударило током. Я отдёрнула ладонь и постаралась сделать вид, что мне всё равно. Краснею ли я? Надеюсь, что в полумраке свечей это незаметно.

Рядом Лиза уже всю улыбалась Маттео — тот, кстати, был так же хорош, как и в кафе: тёмные короткие кудрявые волосы, оливковая кожа, хитрая искра в карих глазах, которые, я уверена, уже успели стать предметом Лизкиных фантазий на ближайшие полгода.

— Садись, — Данте отодвинул для меня стул с такой грацией, что даже официант позавидовал бы. — Не бойся. Я же обещал: сегодня никаких нападений сверху.

— Твои обещания стоят ровно столько, сколько бумага, на которой они не написаны, — я села и расправила юбку, стараясь не думать о том, как глубоко открыта спина этого

платья. — Просто ужин. Еда. Беседа. Ничего личного.

— Как скажешь, — он сел напротив, положил локти на стол и сложил пальцы домиком. — Ничего личного. Только бизнес. Или искусство. Или жизнь. Но ничего личного.

— Ты издеваешься надо мной?

— Я с тобой разговариваю, — поправил он. — Это разные вещи.

Я вздохнула и потянулась к бокалу с водой. Рука дрожала — чуть-чуть, почти незаметно, но он заметил. Конечно, он заметил. Этот человек, кажется, замечает всё.

Официант принёс меню — кожаные папки с золотым тиснением, внутри — список блюд, который я даже не могла прочитать без переводчика. Всё на итальянском. Конечно. Потому что итальянцы — они такие. Даже в меню хотят показать своё превосходство.

— Расскажи мне, Виктория, — сказал Данте тихо, когда вино — терпкое, красное, пахнущее вишней и кожей — разлили по бокалам. — Где ты научилась так играть в покер?

Я замерла с бокалом у губ.

Не совсем тот вопрос, который мне хотелось бы услышать. Я ожидала чего угодно — от «как тебе Рим?» до «почему ты сбежала из дома?» Но покер... Покер был слишком близко к правде. К той правде, которую я не хотела раскрывать.

— Скажем так, — я сделала глоток вина, чувствуя, как оно обжигает горло. — Это останется тайной, которую ты никогда не узнаешь.

— Договорились, — он не настаивал. Только улыбнулся — уголками губ, едва заметно. — Но мы обязаны доиграть. Я всё ещё хочу желание.

— Мы не договаривались о продолжении.

Он сделал глоток вина, не сводя с меня глаз. В темноте его зрачки казались ещё больше, ещё чернее, ещё глубже. В них можно было утонуть. Заблудиться. Потерять себя.

Я поставила бокал на стол так резко, что вино плеснуло на скатерть.

— Слушай, Данте, я не знаю, какие у тебя игры. Может, для тебя это способ развлечься — преследовать туристов, приглашать их в дорогие рестораны и говорить загадками. Но я не игрушка. И не трофей. И если ты думаешь, что я пришла сюда, потому что твоя харизма и костюм от Армани вынесли мне мозг — ты ошибаешься.

В зале повисла тишина. Даже музыка, кажется, затихла.

Лиза и Маттео перестали перешёптываться и уставились на нас. Лизка с тревогой, Маттео — с интересом. Как будто смотрел кино, в котором знает сюжет, но надеялся на неожиданный поворот.

Данте откинулся на спинку стула.

И в его глазах мелькнуло что-то новое. Не гнев. Не обида. Восхищение? Уважение? Или просто предвкушение, потому что он понял: я не сломаюсь легко. А значит, игра только начинается.

— Я даже не думал, что ты игрушка, — сказал он спокой-

но. Так спокойно, что это пугало больше, чем крик. — Ты — вихрь. Ты — то, что врывается в жизнь и переворачивает всё вверх дном, а потом улетает, не попрощавшись. Я не хочу играть с тобой, Белла. Я хочу понять, почему, чёрт возьми, я до сих пор не могу забыть женщину, с которой провёл всего час за столом в покер.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то едкое, уничтожающее, окончательное. Но вместо этого услышала свой собственный голос:

— Потому что ты привык получать всё, что хочешь. А я — единственная, кто тебе не дался.

Он медленно улыбнулся.

И эта улыбка была опаснее любого его приказа.

— Посмотрим, — сказал он, поднимая бокал. — До конца вечера ещё далеко.

И вот тогда я поняла, что попала.

Окончательно, бесповоротно, с разбега и головой вперёд — в ту самую чёрную бездну его глаз, из которой, кажется, не было выхода.

Но, чёрт возьми, хотя бы ужин был шикарным.

Антрикот с кровью, который таял на языке. Картофель, запечённый с розмарином. Овощи гриль, пахнущие дымком и летом. Десерт — тирамису, который был настолько хорош, что я чуть не застонала от удовольствия. Вслух. При всех.

Данте смотрел на меня, пока я ела. Не прикасаясь к своей тарелке. Просто смотрел.

— Чего ты ждёшь? — спросила я, отодвигая пустую тарелку. — Что я начну кокетливо улыбаться и строить глазки?

— Нет, — он покачал головой. — Я жду, когда ты перестанешь притворяться.

— Притворяться?

— Что тебе всё равно, — он наклонился вперёд. — Что тебе не интересно. Что моё присутствие тебя не волнует. Я вижу, как ты дрожишь. Как твои руки трясутся, когда ты подносишь бокал к губам. Как твой пульс бьётся на шее — я вижу это отсюда.

Я инстинктивно прижала руку к шее.

— Это нервы, — сказала я. — Я всегда нервничаю в присутствии потенциальных маньяков.

— Нет, — он улыбнулся. — Это напряжение. И это совсем другое.

Я замолчала.

Потому что спорить было бесполезно. Он был прав. Он читал меня, как открытую книгу — ту самую, которую я так старательно прятала за семью печатями.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я тихо.

Он задумался. Настоящий, не театральный — я видела, как его глаза стали серьёзными, почти тёмными.

— Честности, — сказал он. — Хотя бы на один вечер. Без стен. Без притворства. Просто ты. И я. И разговор, который не будет игрой.

— А если я не умею? — спросила я. — Быть честной, я

имею в виду.

— Научисься, — он снова улыбнулся. — У тебя хороший учитель.

Я фыркнула.

— Ты невыносимо самоуверен.

— Я итальянец, — он развёл руками. — Это в крови.

И, несмотря на всё — на страх, на сомнения, на внутренний голос, который кричал «беги», — я рассмеялась. Впервые за этот вечер. Впервые за последние два дня. По-настоящему.

— Хорошо, — сказала я. — Один вечер. Честность. Но если ты соврёшь — я уйду.

— Если ты соврёшь — я останусь, — парировал он. — Потому что твоя лож интереснее, чем чья-то правда.

За окном сиял Рим.

В бокалах плескалось вино.

А я сидела напротив мужчины, который, казалось, видел меня насквозь. И, чёрт возьми, мне это нравилось.

Это была катастрофа.

Но, возможно, иногда катастрофы — это именно то, что нам нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.